

СЕРИЯ МИСТИЧЕСКИХ ДЕТЕКТИВОВ

Герман и Сущность

ВИНО С ПОТКАМИ СМЕРТИ

Алкоголь
вредит
вашему
здоровью

ВИКТОРИЯ БАЛАШОВА

16+

Детективные загадки: реальность и мистика

Виктория Балашова

Вино с нотками смерти

«Автор»

2022

Балашова В.

Вино с нотками смерти / В. Балашова — «Автор»,
2022 — (Детективные загадки: реальность и мистика)

Со странными убийствами иногда сталкивается следователь Герман. Мотивы и обстоятельства совершения преступлений небанальны и разнообразны, типажи яркие и выпуклы, сюжет закручен. В этих преступлениях замешана бесполоая и бестелесная Сущность, которая периодически вырывается на свободу из потустороннего в наш реальный мир через портал, возникающий в миражах. Происходящее в миражах перекликается с событиями реальности, отражая ее, как кривое зеркало. Два рассказа цикла посвящены прапрадеду следователя, который становится свидетелем событий, имеющих прямое отношение к Сущности и ее истории. Повествование становится неспешнее и обстоятельнее, появляются мелкие, но очень любопытные детали — и вот читатель уже гуляет по павильонам Всемирной выставки, участвует в заседании московского спиритического общества, продумывает меню для императорского обеда...

© Балашова В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Затмение солнечных часов	5
Вино с нотками смерти	24
Англичанка умирает под Рождество	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Виктория Балашова

Вино с нотками смерти

Затмение солнечных часов

Женщина спокойно лежала на топчане. Если близко не подходить, то совсем не подумаешь, что труп: так, лежит себе в белом махровом халате, отдыхает. Однако при ближайшем рассмотрении отдыхающая выглядела куда хуже. Бледное лицо отдавало синевой, щеки неестественно впали, нос заострился явно не от последствий пластической операции. Только что пятен крови не наблюдалось.

– Что тут? – спросил Герман, встав рядом с молоденькой девушкой, недавно начавшей работать в отделении судмедэкспертом. – Привет, – вспомнив про этикет, поздоровался он, не поворачивая головы.

– Странно, – промямлила Оля, – привет.

– Что странно? – Герман разглядывал труп. – Если бы не большое количество мертвых тел, которые я повидал, вообще бы не обратил на нее внимание.

– А на нее и не обратили, – тихо промолвила девушка. – Она тут лежит мертвая часа три, а обнаружили ее меньше часа назад, потому что закрывались.

Герман вздохнул. В маленьком курортном городке убивали не часто, точнее, крайне редко убивали. На его германовой памяти последний раз убили мужика в пьяной драке год назад, а до того убили женщину, пырнув ножом, во время межсемейного конфликта, который по сути тоже сводился к пьяной драке. Но так чтобы просто брать и убивать, да еще в спящем центре? Тут же вам не кино какое-то, не детективный сериал... Герман почесал в затылке.

– Так что в ней странного? – повторил он вопрос, очнувшись.

– Крови много потеряла, а видимых ран нет, – ответила Оля. – Но я труп не двигала, пока вы не приехали. Мало ли чего.

– Правильно, – ободрил Герман малоопытного эксперта. – Сначала все запротоколируем, как оно есть. Потом двигай на здоровье, – он уселся на соседний топчан, который оказался с подогревом и приятно отдавал теплом в задницу.

Достав ручку и листок бумаги, Герман записал дату, потом глянул на часы и пометил время начала осмотра места происшествия.

– Двадцать один шестнадцать, – произнес он. – Когда, значит, говоришь, ее нашли?

– Труп обнаружили в двадцать тридцать. Примерно, – Оля пожала плечами. – Уборщица не смотрела на часы, сразу побежала звонить в полицию. Закрываются они для посетителей в двадцать ноль-ноль, обычно здесь женщина прибирает в половине девятого. Плюс-минус...

Герман кивнул и продолжил писать.

– Кто у нас тут понятые?

Понятые топтались в сторонке: девушка со стойки администратора и вторая уборщица. Они послушно продиктовали Герману свои данные, и он приступил к описанию трупа.

– Так что у нас на данный момент с причиной смерти? – Герман отложил ручку, встал с лежака и наклонился над женщиной. – Почему ты решила, что ее убили?

– Выглядит она, словно ее душили, – медленно произнесла Оля, тоже наклонившись поближе к трупу. – Но ее не душили. Большая кровопотеря, и тут вот, – она осторожно показала пальцем на шею женщины, – какие-то будто следы от уколов. Словно выкачали из нее кровь шприцем.

На шее и правда слева и справа виднелись едва заметные следы, действительно как от укола. Герман вздохнул и откинул на трупе полы махрового халата.

– И поза странная, – прокомментировал он, – лежит на боку, но как будто ее позвали, и она обернулась.

– Но не испугалась, – продолжила Оля.

– Точно, – Герман кивнул и плюхнулся обратно на лежак.

Вскоре протокол был дописан.

– Забирай тело к себе, – скомандовал он девушке. – Как только будут новости, сразу звони. А я тут пока допрос проведу. – Герман повернулся к работницам спа-салона. – Где у вас поговорить можно?

Встрял стоявший поодаль накачанный мужчина средних лет:

– В моем кабинете можно. Я администратор.

– Пошли! – скомандовал Герман. – Все, кто тут находился в момент убийства и после него, пройдемте к кабинету.

Картина в итоге нарисовалась довольно ясная, и даже нашлись подозреваемые, а может, понадеялся Герман, сами убийцы. Ему пока не было понятно, как женщину убили и зачем, но по крайней мере составил план действий. На ночь глядя куда-то идти ему не хотелось, однако, откладывать до утра пансионат не представлялось возможным. Топая по узким, извилистым улочкам в гору, Герман набрал номер судмедэксперта.

– Как дела? – пропыхтел он в трубку.

– Ничего нового, – ответила девушка. – Она умерла не своей смертью. От кровопотери, как мы и полагали. Отметины на шее похожи на уколы шприцем, точнее не скажешь. Ее не били и не душили, – Оля вздохнула. – А у вас чего?

– У нас есть след, – Герману хотелось выговориться, а заодно и еще раз обмозговать информацию. – Женщина ходила в спа три раза. Девушка, которая полотенца выдает, ключи от шкафчиков, как раз в эти разы и работала. Наша потерпевшая проводила в спа целый день: у них там сейчас вне сезона классные условия – фиксированная сумма на весь день.

– Сколько? – поинтересовалась Оля.

– Не уточнял, – Герман чертыхнулся: стояла кромешная тьма, разглядеть что-то под ногами было невозможно, и он споткнулся. Хорошо не грохнулся. – Короче, погода не ахти, воду горячую в номере дают нерегулярно, она и ходила к ним в спа, план делала, – он усмехнулся. – Девушка про наш труп все это рассказала, потому что та ей жаловалась на пансионат. А какой у нас тут с тобой пансионат с нерегулярной подачей воды и стоит на возвышенности? Правильно, старый, допотопный имени Свердлова. Даже, идиоты, переименовать не удосужились.

– Зачем она туда приехала в несезон? – задала резонный вопрос Оля.

– А кто ж ее знает? Приперлась на нашу голову, прости Господи, – Герман постарался похристиански не сильно сердиться на убитую. – Короче, два раза она вроде одна приходила. А в третий к ней присоединилась парочка. Пришли они отдельно, но встретились там. Уборщица показала. Она там трет пол постоянно. Короче, пришли мужчина и женщина. Судя по всему, они жили в том же пансионате, что и наш труп. По словам уборщицы, вряд ли они были близко знакомы.

– Думаете, они ее и убили? – оживилась Оля.

– Трудно сказать. Вроде, они не ссорились. – Герман продолжал, пытаясь тащить в гору. – Беседовали вполне себе мирно. Когда точно ушли те двое, уборщица не заметила. Короче, иду в пансионат. Надо их проверить на предмет алиби. Хотя оно у них вряд ли есть: сидели скорее всего в это время в спа или шли оттуда. И вообще, если они ее не убили, то может видели кого подозрительного.

– Наверное, они уже спят, если не виноваты ни в чем, – предположила Оля.

– Может и спят, а вдруг бежали? Я обязан идти туда. А то потом шею намылят. Почти пришел. Давай, пока, до завтра. – Герман дал отбой и остановился перед корпусом пансионата.

На самом деле, корпусов в пансионате насчитывалось три штуки. Но в несезон работал только один. В полночь в большинстве окон свет уже не горел, а холл освещался тусклыми лампочками, экономящими пансионату электроэнергию. Герман толкнул пластиковую входную дверь и вошел внутрь. За стойкой регистрации женщина с неописуемым сооружением из иссиня-черных волос на голове смотрела телевизор.

– Здравствуйте. – Герман махнул перед ее носом удостоверением. – Придется отвлечься.

Женщина вздохнула:

– Случилось чего?

– Ну типа того. Труп случился. Ваша гостя.

– Вот те на! – женщина выключила телевизор.

Герман достал из кармана телефон и показал фотографию жертвы:

– Узнаете?

– Конечно! – воскликнула женщина, чье имя, судя по бирке, прицепленной на прозрачную кремовую блузку, было также замысловато, как и прическа – Анжелика, – Сейчас я вам распечатаю ее данные.

Она поклацала пальцами по клавиатуре, и из чрева принтера выползли листки с копией первой страницы паспорта и пропиской. Герман оторвал взгляд от просвечивающей сквозь ткань обширной груди Анжелики и просмотрел бумажки. Итак, потерпевшая жила в Москве, была одинока, точнее не замужем, что, впрочем, по мнению Германа являлось одним и тем же.

– Не знаете, чего она сюда приехала? – спросил он Анжелику. – Несезон, а она не бабуля, чтобы в несезон к вам ездить.

– На тренинг ее принесло, – хмыкнула женщина. – А после задержалась на свою голову. Говорила, лететь не имеет смысла так на мало, вот и решила чуть дольше задержаться. А не надо было, – припечатала Анжелика.

– Что за тренинг? – Герман обычно бывал в курсе всех мероприятий, которые проводились в городе.

Анжелика пошуровала у себя в столе и вытащила рекламную листовку.

– Вот! Приносили нам. Тоже предлагали прийти. Но я не дура платить такие бабки за какое-то там дыхание.

В листовке говорилось о некоем волшебном способе дыхания, после которого будешь здоров и счастлив. Еще обещалось полное очищение организма от всякой скверны и общение с иными мирами.

– Да, оздоровилась, – процедил Герман. – Надо бы с организаторами встретиться на всякий случай.

– Слиняли они уже, – махнула рукой в неопределенном направлении Анжелика. – У них же чес. Можно на их сайте посмотреть, куда двинули. Куда-то рядом.

«Значит, у этих было алиби, раз они уехали несколько дней назад», – подумал Герман и вспомнил про своих подозреваемых.

– У вас тут пара живет. Описание такое: оба высокие, у него темные волосы, у нее длинные рыжие... – договорить не успел: Анжелика закивала.

– Да, да, живут рядом с той несчастной, что умерла здоровенькой. Прости Господи! – она хмыкнула. – Спят поди. Они тоже на тренинг ходили.

Выяснилось, что парочка явилась в пансионат около восьми вечера. Рыжая несла пакет с мокрыми купальными принадлежностями, а ее парень тащил кульки с едой.

– Горничная говорит, жрут они – Боже мой!!! – воскликнула Анжелика. – Таисия просто в ужасе! Когда убирается, выносит страшное количество еды и бутылок! А так, обаятельные: всегда остановятся, поздороваются, скажут пару слов. Сегодня были в спа, потом ходили поесть в ресторан, потом на рынок и сюда. Столько, скажу вам жрать, а по ним не скажешь – жилистые оба, – с ноткой зависти сказала плотненькая Анжелика.

Смысла ломиться в первом часу ночи к обжористой паре не было. Герман вздохнул: до дома далеко, а завтра с утра следовало бы вернуться в пансионат. Анжелика словно прочитала его мысли:

– Хотите, оставайтесь. Если они пойдут куда-то рано, я вас разбужу. Но вряд ли: они рано не встают. Можете спать сколько угодно.

***

Он шел по пустыне. Пить хотелось неимоверно. Вдали виднелась дверь, вход в портал, а там и до людей рукой подать. Но предчувствие обычно его не подводило: вход будет опять перегороджен. И правда, в мареве начала проявляться фигура Волка. Жара давила на плечи. Он облизнул потрескавшиеся губы и остановился. Кожа горела, на ней появились волдыри, которые, лопаясь, обнажали кровоточащие, неприятно пахнущие раны. Сам себя он видел плохо. Ему бывало страшно интересно увидеть себя в пустыне, но там у него оставались лишь ощущения: жара, жажда, боль, страх, ненависть – какой-то такой набор. Как его нарекли, он не помнил. Однако знал, что на самом деле здесь он беспол, и имя никакого отношения не имеет к половой принадлежности. С подобным успехом его могли назвать и Ларисой, и Жучкой, и Муркой.

Волк не исчезал, а что делало ситуацию еще более паршивой, возле него нарисовалась фигура Львицы. Львица появилась рядом с Волком недавно. Откуда взялась на его голову, непонятно. Позади этих двоих, как обычно, возникли другие волки. Они полукругом встали за вожаком и Львицей, полностью закрыв дверь в портал. Нет, он никогда двери не видел, он ее чувствовал. Проход постоянно менял свое месторасположение, и самое ужасное происходило тогда, когда он наткнулся на мираж. Его частенько водили за нос, и чуйка подводила. Сейчас он даже не сомневался – портал там, потому что там Волк и его подружка. Раньше Волк был одинок: лишь он и его собраты. Зачем она ему понадобилась?

– Силу дает, – еле слышно сказал он, с трудом пошевелив запекшимися губами, а эхо повторило последнее слово: «Дает, дает, дает...». Эхо он ненавидел пуще жажды, жары и прочих неудобств. Как бы тихо ты ни говорил, оно повторяло за тобой последнее слово.

Идти в сторону Волка представлялось бесполезным. Он помнил, конечно, что Волка можно обмануть. Нужно пойти в сторону, зайти в мираж, и, порой, совершенно случайно, бессистемно, он там наткнулся на другую дверь. Происходило это крайне неожиданно – раз, и ты уже в мире людей. Голый? Отчего ж, нет, не голый и вполне себе полный и одетый. Сколько он бывал мужчиной, сколько женщиной он не помнил. Но в мир он выходил готовой сущностью. О, ощущения от перехода всегда были прекрасные! Он в первую очередь смотрелся в зеркало: какой он нынче. Всякое разное отражалось, впрочем, все образы ему сразу нравились, словно таким на свет родился. И ощущения пропадали – ничего не болело, отступала жара, только пить хотелось по-прежнему. И он пускался на поиски. Быстрее, быстрее, чем быстрее – тем лучше, иначе опять – сюда, обратно, так, что и моргнуть не успеешь.

Он повернул направо. Главное, прочь от Волка, чьи очертания становились все более четкими. На морде Львицы он даже смог разглядеть улыбку. Она почти всегда улыбалась, нагло так, развязано-сексуально, беспардонно, и не смущаясь, касалась лапой Волка, поглаживая его серый бок. Иначе говоря – большая, рыжая, наглая кошка. Ему хотелось ее пощупать, прикоснуться к ее шкуре, которая выглядела плюшевой, как у игрушек в том людском мире... Он очнулся и заставил себя прекратить думать о Львице, иначе желание идти в их сторону становилось вовсе нестерпимым.

Он прошел к Дворцу. Дворец возвышался по правую руку, то расширяясь, то вырастая на несколько этажей, то становясь темно-бардовым, то резко светлея. «Мираж», – он не сомневался и брел к зданию. Уже стали заметны цветные фонтаны. Они издавали странные звуки:

– Ммммм, рrrrrrr, – на кошачий манер тянули они, а эхо им вторило: «rrrrrrrr».

Мелькнул павлин и исчез, а вместо него показались здоровые, тучные гуси, рядом шагавшие через зеленый газон. Он облизнулся. Он вспомнил, каковы они на вкус, гуси. Там, где бывал у него за порталом желудок, заурчало и неприятно свело мышцы. Он обернулся. Волк с Львицей постепенно растворялись в мареве. Уходят, значит, он удалился от входа в портал. Сил практически не осталось, и вся надежда была на мираж. Если он там случайно не выйдет в мир, то скорее всего на этот раз помрет, хоть данное слово к нему неприменимо. Он вечен, как Волк. Про Львицу он пока не знал – она появилась недавно, – но что-то ему подсказывало, она тоже вечна, кошка чертова.

Впереди, за Дворцом вечерело. На звездном небе вспыхнули фейерверки. Раздался звон бокалов, засмеялись люди. Но над ним, как и раньше, сияло раскаленное солнце. Тем не менее, его влекло вперед, ближе, ближе к великолепному зданию, которое сейчас стало отливать золотом, аж в глазах слепило. Гуси исчезли, зато появилась корова. Вымя, полное молока, чуть не касалось земли. Он вспомнил вкус свежего хлеба, и захотелось взять кружку молока, дунуть на пенку, отломить горбушку, громко отхлебнуть, быстро засунуть в рот хлеб, давясь, жевать. Он вздрогнул от боли: с треском лопнул очередной волдырь. Корова тоже исчезла. В небе издевательски захохотали чайки. Больше портала он не чувствовал. Волк и Льюица совсем исчезли. Оставалось надеяться на случайность, на чудо. Он пошел быстрее. От крика чаек и повторяющего эти звуки эха закладывало уши, или чем он там слышал. Резко приблизились двери Дворца. Они распахнулись, пропуская его внутрь.

***

Утром Герман не сразу сообразил, где находится. В глаза непривычно брызнул яркий солнечный свет, матрас бодро закрипел пружинами, уши уловили звук работающего пылесоса. Герман глянул на простирившееся вдали море, вздохнул, вспомнив свою квартирку без вида на море и вообще без всякого вида, и пошел в душ.

– Ну как тут? – спросил он Анжелику, спустившись вниз после гигиенических процедур.

– Порядок! Ваша парочка не выходила. Жрут, поди, – она усмехнулась.

– Отлично. Пойду допрашивать. Номер у них какой?

Анжелика сверилась с компьютером.

– На всякий случай проверила. Точно. Номер шестьсот десять. Жертва ваша жила в шестьсот шестом. Но там шутники к нулю пририсовали сверху хвостик – получилось шестьсот шестьдесят шесть. Потом, не обращайте внимания, напутали прикручивая номера, будет сразу шестьсот десять. Вам туда.

Герман осознал полученную информацию и направился к лифту.

– Лифт часто застревает, – понеслось ему вслед, – вчера вам сказать забыла, но вы на втором этаже спали и все равно пешком пошли. Сейчас решайте сами.

Идти пешком на шестой этаж было неохота, и Герман смело вызвал лифт. Тот с шумом открыл двери, не слишком гостеприимно приглашая в свое чрево. Герман зашел и нажал на кнопку.

– Сильнее жмите! – донеслось до него. – Кнопки западают!

На шестом этаже все оказалось, как и описывала Анжелика: номер шестьсот «шестьдесят» шесть был уже опечатан, следующим следовал, вопреки логике, шестьсот десятый. Герман постучал. Изнутри не доносилось ни звука. Он постучал еще.

– Ой, они думают, это я! – Герман вздрогнул: рядом с ним стояла невысокая, толстенькая горничная с тряпкой в руках. – Я им барабаню, а они делают вид, что не слышат. Иногда их и в самом деле нет. Я ключом поворачожаю: если они дома, то ключ с той стороны, и мне не открыть. Если нету, захожу.

Герман переварил информацию.

– Если не трудно, поворочайте ключом, – вежливо попросил он. – Вдруг их там нет.

– Есть! – уверенно заявила горничная, но тем не менее ключ попыталась засунуть. – Видите, там они! – радостно воскликнула она. – Не засовывается.

С куда большим воодушевлением, чем доселе, Герман забарабанил в дверь. Изнутри послышался женский голос:

– Спасибо, убираться не надо.

– Я из полиции, – проорал Герман, отдавая должное звукоизоляции, которая начисто отсутствовала в современных постройках, но очень даже присутствовала в старых зданиях, и опять застучал. Через минуту изнутри послышался мужской голос:

– А что случилось?

Герман, осознавая, насколько он тут нелепо выглядит и как низко падает престиж полицейского, собрался с духом и прокричал:

– Убили вашу соседку! У меня к вам вопросы! Вы ее видели последними!

Горничная продолжала стоять рядом в предвкушении продолжения «спектакля».

– Сейчас! – прокричал мужчина из нутра номера. – Оденемся! А то мы неодеты!

Набравшись терпения, Герман приготовился ждать. Бежать парочке было с шестого этажа некуда. Он сильно надеялся, что они не будут прыгать с балкона или делать что-то такое же нелепое.

– Мне сказали, они много едят, – обратился Герман к горничной от нечего делать. – Что вы имели в виду?

– Ой! – женщина явно обрадовалась возможности поболтать. – У них каждый день весь коридор в пакетах с помойкой. Так есть нельзя при любом аппетите, скажу я вам. Да вы сейчас сами увидите. Они меня не пускают, а потом, как уйдут, просят прибрать, и мусор забрать. Мрак! А сами поджарые такие, не тощие, но такие, знаете, крепкие. Жилистые такие. Кровь с молоком!

Герману уже стало любопытно посмотреть на обладавшую зверским аппетитом парочку. Кроме обжор Гаргантюа и Пантагрюэля, про которых недавно смотрел мультфильм, никто в голову не лез. Но, судя по описаниям, эти двое должны выглядеть иначе... В двери заворочали ключом. На пороге нарисовался мужчина лет тридцати с лишним. За ним стояла женщина, скорее около тридцати, улыбавшаяся во весь рот, словно ждала его, Германа, в гости, как самого дорого друга. Мужчина, напротив, был суров и хмур. Он распахнул дверь и отошел в сторону, пропуская Германа внутрь.

– У нас тут не прибрано, – произнес он, грассируя на французский манер.

– Вина хотите? С сыром? – неожиданно предложила женщина и, не дожидаясь ответа, поставила перед успевшим сесть возле стола Германом пластиковую тарелку и стакан.

– Я на работе, – попытался возразить Герман, но мужчина махнул рукой и со словами «да ладно» налил ему вина.

Парочка уселась напротив. Перед ними стояли наполненные стаканы и тарелки с закуской. У Германа заурчало в животе, он взял кусок хлеба, пообещав себе много не есть и тем более не пить. Женщина подняла стакан и, продолжая улыбаться, провозгласила:

– Если кого, говорите, убили, то аминь! – и чокнулась с мужчиной. Оба протянули стаканы к Герману.

– За умерших положено не чокаясь, – Герман взял свой стакан и сделал пару глотков. Он положил сыр на хлеб и отправил бутерброд в рот.

– Оливочки берите, – женщина смахнула ему из банки оливки.

Герман начал жевать и одновременно пытался разглядеть своих визави повнимательнее. Он уже заметил, что оба, действительно, были высокими и обладали не то чтобы крупными фигурами, но, права горничная, – кровь с молоком, лучше не скажешь. У женщины рыжие

волосы струились по спине до талии, а у мужчины волосы были красивого, глубокого черного цвета, до плеч. От его взгляда хотелось поежиться, хотя он не был злым. Просто странный такой взгляд, жесткий. Женщина, несмотря на улыбку, тоже обладала какими-то гипнотическими глазами. Она то и дело касалась рукой своего друга: то колена, то ладони, то плеча. Странная пара – красивая, необычная.

Герман постарался незаметно осмотреть номер. В небольшом коридорчике лежали пакеты с мусором – и правда много. В комнате, где его посалили за стол, вопреки словам рыжей, было чисто, только на диванчике валялись кофты и брюки. Что происходило в спальне Герман не углядел.

– Итак, вчера умерла ваша соседка. Вы ее видели, как я понимаю, в спа, – приступил к делу Герман, дожидаясь хлеба.

– Видели, – покивав, чуть не хором сказали мужчина с женщиной.

Герман сверился с бумажкой:

– Вас зовут Изабелла, – обратился он к рыжей, – а вас Игнат. Вы из Москвы, как и убитая, приехали на тренинг. Давайте начнем с самого начала. Что за тренинг, как вы познакомились с Лидией.

– Мы не собирались туда идти, – обиженно произнесла Изабелла. – Мы тут так, сами по себе. Познакомились с Лидой, она пригласила. Говорит, классно подышим.

– Да, – буркнул в подтверждение слов подружки Игнат.

Откусив кусок сыра, Герман надумал спросить про алиби:

– Расскажите подробнее, что вы делали вчера.

Парочка подозрительно переглянулась.

– Встали часов в одиннадцать, может позже, – протянул мужчина.

– Не помним, – рыжая погладила Игната по руке.

– Не важно, – смиловился Герман, – а что потом делали? Как встали, что делали?

Парочка переглянулась. Герману даже неловко стало: наверное, секс случился после пробуждения, но так подробно он не просил рассказывать. Явно, секс к странному убийству отношения не имел.

– Позавтракали, – протянула Изабелла.

– У вас хороший аппетит, – не удержался Герман, кивнув на пакеты.

– А что тут еще делать? – пожал плечами Игнат. – Едим, пьем, гуляем. Отдыхаем, как можем.

– Приезжали б в сезон, – Герман не удержался и отхлебнул вина.

– Не получилось, – Игнат был краток. – Короче, после завтрака решили последовать совету Лиды и пойти в спа. Воды тут постоянно нет, хоть нормально помыться, – он хмыкнул. – Вызвали такси и поехали.

– Во сколько туда прибыли? – в этом месте Герману стало куда интереснее.

Они дружно пожали плечами и задумались. Изабелла облокотилась на плечо своего чернявого друга и закатила глаза к потолку. Мужчина хладнокровно жевал кусок сала.

– Мы туда поехали в двенадцать, – пробормотала в итоге рыжая. – Помнишь, – она посмотрела на Игната, – новости начались в холле?

Он снисходительно кивнул:

– Да, я вызвал такси, и мы сели кофе попить. Тут начались новости. Такси быстро подъехало. Где-то в двенадцать десять уехали точно.

На убийц они не смахивали. Герман не много упырей на своем веку повидал, но считал, что в психологии разбирается: эти не убивали. Расслабленный вид парочки не обманывал его. Они были готовы к прыжку – именно так, странно они выглядели – готовыми к прыжку, как пантера. А с другой стороны, были совершенно спокойны. То есть, палец в рот пока не положишь, они его не оттяпают. Положишь – твои проблемы, останешься без пальца...

– Как вы там с Лидой встретились? – задал вопрос Герман, подбираясь к интересующей его теме.

– Да вы бы ели, а? – Изабелла смахнула ему на тарелку сала и телячьей колбасы. Игнат плеснул красного. – Оголодали, небось, – участливо произнесла женщина и опять провела рукой по колену своего друга.

– За здоровье! – сурово произнес Игнат. Все выпили.

Выяснилось, что в спа, заглянув в римские бани, они заметили, несмотря на пар, Лиду. Завязалась беседа, обсудили дыхательный тренинг, неустойчивую погоду и отсутствие воды в пансионате. Потом ходили в другие бани и сауны, плавали в бассейне и пили чай. С Лидой время от времени перекидывались парой фраз. В итоге ушли раньше – есть захотелось.

– Может вы заметили что-то подозрительное? – с надеждой спросил Герман. – Может крутился возле нее кто? И почему она не ушла с вами?

– Мы решили в ресторан идти, – ответил Игнат. – Там рядом есть хорошее место. Редкость, простите, для ваших мест.

Герман кивнул: мол прощаю.

– Кстати, сколько вы в том ресторане сидели? – спросил он с прицелом проверить алиби.

– Ой, долго! – Изабелла провела рукой по ноге чернявого друга. – Ушли после половины седьмого, точно. Да? – она повернулась к Игнату. – Не раньше! Помнишь, я еще пила Бехеровку?

Связь между временем и Бехеровкой Герман не уловил, но отметил про себя, что если в ресторане подтвердят алиби, то он увидит точное время, когда официант принял заказ и когда он их рассчитал. Судя по всему, вряд ли они убили Лиду. Вряд ли, больно спокойно выглядят.

– Про подозрительное, – решил дожать тему Герман. – И все-таки, попробуйте вспомнить, не заметили ли вы чего-то странного.

И тут непонятная вещь произошла: Герману даже почудилось, что ночь наступила, и стало слишком жарко. Парочка продолжала вести себя, как и доселе. Рыжая улыбалась во весь рот, мужчина хмурил лоб и напускал на себя серьезный вид. Она его поглаживала то тут, то там. Он иногда клал свою руку на ее или подкладывал в ответ ей что-то на тарелку. Полная гармония – казалось, они чувствуют друг друга и общаются без слов. Но атмосфера с его вопросом явно изменилась. Марево расплзлось по комнате, забираясь во все уголки, располагаясь на диване, под столом, по всей мебели. Страшно захотелось пить, Герман не удержался и потянулся за пластиковым стаканчиком с вином. В ушах стоял звон и будто колокольчики зазвенели, мерзким таким звоном, комариным. В глазах запрыгали противные черные точки, превращаясь в запятые, двоеточия, многоточия и скобки.

– Игристого выпейте, – послышался женский голос. – Игристое как хорошо против головокружений и тошноты.

Герман осознать полезности игристого для здоровья не успел...

***

Павлин опять заорал диким залихватским криком. Ему захотелось заткнуть уши, но затыкать было нечем и нечего: это и бесило. Полная бестелесность ему не всегда бросалась в глаза, однако, порой он это замечал. Бестелесность, бесполость, бесполезность, бессмысленность – он повторял слова, которые желал бы облечь в некую форму, но не мог. Павлины орали, гоготали вновь образовавшиеся гуси, мычала корова, а вдали грохотал фейерверк. Он вздохнул и вошел во Дворец. Предметы раскачивались в воздухе, чуть отстоя от пола. О, этот эффект он знал не понаслышке. Конечно, тут сейчас начнут появляться и исчезать, кричать и замолкать, мучить и оставлять в покое.

– Черт с ним! Главное портал найти, – забыв про эхо сказал он.

«Найти, найти, найти», – повторило ужасное эхо, а потом захохотало, повторяя смех чаек: те залетели вслед за ним во Дворец и принялись летать под сводчатым потолком.

Он попытался идти вперед. Анфилада комнат простиралась далеко вперед, без конца и края. Он знал, он помнил про ловушки, которые поджидали на каждом шагу. И не всякий раз можно было найти выход в иной мир. Мир, где ты становился полым, телесным, полезным и осмысленным. Да, Волку сюда ход был заказан. Видимо, и Львице его тоже. Это облегчало задачу, но не гарантировало успех.

Заиграло пианино, грохнули литавры. Опять захотелось заткнуть уши: все звуки били по нервам, а издевательское эхо лишь усугубляло ситуацию. Тем не менее, он решился войти в следующее помещение. Так и думал: ничего хорошего. На стуле возле зеленого рояля сидела полуголая женщина. Цвет рояля не походил на цвет сочного, весеннего газона или на цвет жирных лепестков роз. Скорее, он напоминал цвет пыльцы, осевшей на лужах – смесь желтого с зеленым, растекающаяся блевотина, которая вызывает аллергию, сопли и жжение в глазах. На женщине висел белый, в жирных пятнах балахон. Он обнажал ее костлявые плечи, оголял обвисшую грудь, узкие запястья и тонкие ноги. Ноги она держала в тазу, периодически шлепая пальцами по мутной воде.

В комнату залетела чайка и встала возле таза, наблюдая за шевелящимися женскими пальцами.

– Что зашел? – обратилась она к нему. – Хочешь к людям?

– Хочу, – ответил он покорно. – Портал закрыт.

– Волк? – она хмыкнула. – Кому ж еще стоять на страже. Волчара! Тебе либо на погибель, либо сюда.

– Знаю, – опять кратко ответил он. – Там теперь с ним Львица.

– Хороша! – Женщина обнажила кривые, желтые зубы. Все равно нельзя было назвать ее некрасивой: она притягивала как магнит, подойдешь чуть ближе положенного, пиши пропало. Он помнил – есть черта, переступать которую никак нельзя – притянет.

– Да. Львица эффектна, – на рожон он лезть не стал. – Чего ей Волк сдался?

– Ха-ха-ха! – женщина захохотала на манер чаек. – Себя что ли предлагаешь? Лучше уж Волчара! Он хоть полый. А ты – ни баба, ни мужик! – Она зашлепала ногами в тазу, разбрызгивая грязную воду по полу. Чайка забегала вокруг, пытаясь поймать клювом брызги.

Он постарался не обидеться. И в самом деле, он не претендовал на роль друга Львицы. Ему нечего ей дать. Сам еле двигается. Пусть стоит возле Волка. Ему хуже не будет: что один Волк, что с Львицей.

– Дурак ты, – припечтала женщина, тут же вдарив руками по клавишам рояля. Звук тот изверг унылый, жалостливый, как про конец Света. – Когда возле Волка рисуется женщина, то важно обратить на это внимание. Кто-то будет силу его забирать, кто-то давать. А эта – не просто Львица, она солнечная.

– Солнечная? – вместо эха повторил он.

– Солнечная, дурак, – она опять захохотала, а чайка довольно запрыгала вокруг таза. – Солнечная! Потому будет и в том мире понимать, когда ты придешь. Она про Солнце знает, понимаешь? Волк знает про темное, она про светлое. Дурак! – Неожиданно женщина начала обмякать, склоняться ниже и ниже, а потом облокотилась на клавиши и всем телом грохнулась на них, заставив изрыгнуть страшные звуки. Чайка встrepенулась и улетела. Он понял, что надо выбираться из комнаты: слишком близко подошел, не ровен час затащат его под венец, хоть он и бесполой. Но эти бабы ничем не брезгают. Поженят под колокольный перезвон, и дело с концом. Он побежал, что было сил, хотя за ноги тянули сильно...

***

Странное приснилось. Герман открыл глаза: вот стыдоба, впервые в жизни грохнулся в обморок. Жара накрыла? Да вроде, не жарко сейчас. Над ним склонилось женское лицо.

– Полегчало? Говорила ж, игристого выпейте. Натё. – Рыжая протянула ему стакан. – Эликсир, живительная влага, – мурлыкала она, – туда же оливочку. Голову осторожно – тут над вами вторая кровать. Так нас забавно поселили! В этой комнате две кровати для детишек, одна над другой. А у нас нет детишек с собой!

Герман почувствовал, как затекли ноги, непривычно поджатые к груди. Он выпрямился, несмотря на предупреждение, ударившись головой о расположенную сверху кровать. Попытался вспомнить, что случилось и застонал.

– Плоховастенько вам? —участливо спросила Изабелла.

Игнат сидел за столом и уплетал курицу гриль. Изабелла уловила его взгляд.

– Тоже хотите курочки? Сейчас организуем!

– Нет! – категорически заявил Герман, выпрямляясь. – Пойду, пожалуй. Спасибо.

Он вышел из номера и спустился вниз пешком по лестнице, не рискуя снова садиться в адский лифт. За стойкой по-прежнему стояла Анжелика.

– Ну как обвиняемые? – кокетливо спросила она. – Признались?

Герман подошел к ней поближе и с трудом заставил себя не смотреть на грудь, нагло выпячивающую из-под блузки.

– Нет, скорее всего, они не виновны, – медленно произнес он. – А вы тут как работаете? По сменам?

Взгляд у Анжелики стал еще призывнее.

– Да, – протянула она, – по сменам. Сегодня после обеда заканчиваю. Потом через сутки.

– Значит, в день убийства тут так и стояли? – уточнил Герман, проведя мысленно нехитрые расчеты.

– Ага, я ж говорила, как видела эту странную парочку, возвращавшуюся из спа, – кивнула Анжелика.

– И как все они уходили, тоже видели?

Анжелика пожала плечами и, закатив глаза к потолку, опять кивнула:

– Труп ваш ушел раньше, а эти двое после двенадцати уехали. Как раз новости начались.

Слова Игната и Изабеллы подтверждались. Герман поблагодарил Анжелику и отправился к выходу. Он заметил легкое разочарование в ее глазах, и до него дошло, что она рассчитывала на более романтическое продолжение знакомства. «Не до того!» – оправдался перед собой Герман и вышел на улицу. Навстречу ему быстро двигался мужчина лет пятидесяти в джинсовой куртке. Поднявшись по ступенькам, он тяжело выдохнул и тут заметил Германа.

– А вы случайно не из полиции? – с трудом переводя дыхание, спросил мужчина.

Герман причастности к органам отрицать не стал и даже махнул удостоверением.

– Я – директор пансионата. Как хорошо, что вас застал. Может зайдете ко мне в кабинет на чашку кофе, заодно хоть расскажите мне, что произошло. Ужас ведь! – всплеснул он руками, как заправский Пьеро. – Всех туристов пораспугаем еще до начала сезона!

Герман согласился поговорить, тем более, и сам был рад задать директору пару вопросов, раз уж так получилось.

– Никогда у нас никого не убивали, – бормотал мужчина, семена рядом с Германом к административному корпусу. – Вообще не припомню! Хорошо, не в номере убили, согласитесь, а в спа. Но все равно плохо! Жила-то она у нас. А говорят, ее убила странная парочка, которая много ест. Горничная вам говорила? Просто жрут!

Они подошли к обветшалому зданию.

– Проходите! – директор с трудом потянул на себя тяжеленную дверь.

Плюхнувшись в допотопное кожаное кресло, Герман, наконец, заговорил:

– Думаю, ваша обжористая парочка никого не убивала. У них алиби. Проверю, конечно, но они мне даже счет из ресторана сунули. Вряд ли врут.

Директор в который раз вздохнул, включил чайник и поставил на стол кружки с именами «Света» и «Варя».

– Жена подарила, – объяснил он наличие женских имен на посуде, – ее так зовут и дочку, чтобы помнил. Меня, кстати, зовут Павел Александрович.

– Давайте, Павел Александрович, поговорим, – предложил Герман. – Что вы думаете по поводу странного убийства в спа. У убитой ничего в номере не пропало. Что могло произойти? Ваше мнение.

Директор нахмурил лоб.

– Месть? – предположил он. – Разгневанный любовник примчался и, как ту Дездемону, придушил! Ее ведь придушили?

Герман помотал головой. Павел Александрович сыпанул ему в чашку растворимого кофе и залил порошок кипятком.

– Сахар берите. Печенье, – он поставил на стол сахарницу в цветочек и пачку на вид совершенно несъедобного печенья.

– Павел Аркадьевич, – начал Герман.

– Александрович, – ласково поправил его директор.

– Александрович, – покорно повторил Герман. – Если предположить, что Лиду убил кто-то из пансионата – ведь она жила тут уже несколько дней, и все было в порядке, – то, кто это мог сделать, а? Кто у вас тут живет, кто работает сейчас? Не так ведь много народу.

– Может ее работники спа убили, – обиженно проворчал директор, гневно постучав суповой ложкой по столу. – Извините, у меня чайных ложек нет, только большие. Если что сахар можно помешать другой стороной, а то черпак в чашку плохо влезает.

– Ничего, – успокоил директора Герман, – я без сахара. Про работников спа. Мой коллега сегодня там работал, вчера я допросил всех, кто там был в момент убийства. Получается, во-первых, там сейчас мало работает народу – несезон, что нам упрощает задачу. Везде народу мало. Во-вторых, у всех алиби. Хуже обстоит дело с посетителями. Но с работниками все ясно.

– Ладно, давайте по порядку. На том же этаже, где жила Лида, поселилась только вечно жрущая парочка. Присмотритесь к ним все-таки. Станные они, – Павел Александрович поболтал ложкой в чашке. – На стойке администрации работают Лена и Лика. Две горничные на все этажи. Народу мало, они справляются. Давно у нас работают. Я стараюсь сохранять, видите ли кадры. Редко беру новых. Вот Анжелику взял, но не пожалел. Лена была готова одна продержаться, но Лика и в сезон пригодится. Раз пришел такой кадр – надо брать.

Герман допил кофе и поднялся. Ничего интересного он не услышал, а что, с другой стороны, ожидать. На улице Герман с сожалением посмотрел на небо – собирались тучи. Он обернулся и неожиданно решил пройти обратно к жилому корпусу. На балконе шестого этажа стояли двое. Они словно застыли как изваяния, глядя куда-то вдаль, совершенно отрешенно, неподвижно. Даже издали было видно, насколько они спокойны и уверены в себе. Герман задумался: парочка, конечно, выглядела странновато.

– Пожалуй, послежу сегодня за ними, – пробурчал он себе под нос и набрал телефон участка.

Трубку взяла Оля.

– Привет, чего нового накопили? – без прелюдий приступил к делу Герман.

– Ничего, – покладисто ответила Оля. – Причина смерти все такая же странная: кровопотеря. Две ранки, действительно, как от уколов шприца. Ничего нового. Сергей пытался узнать,

кто крутился возле убитой в спа. Но, к сожалению, никого, кроме вашей парочки из пансионата вспомнить толком не могут.

– Жаль, – вздохнул Герман. – Ладно, я тут еще покручусь.

Он зашел в тень вечнозеленых кустов и заметил, что из пансионата вышла Анжелика. Как замороженный, Герман последовал за ней. Женщина шла по тропинкам, выющим по территории, шаловливо покачивая бедрами. Оказавшись на улице, она пошла вверх, еще выше, без усилий шагая по ухабистому тротуару. Герман старался не отставать, но и не подходить к ней слишком близко – вдруг обернется. Дорога продолжала виться в гору. Минут через двадцать, когда Герман уже проклял все на свете, включая самого себя, за ненужную авантюру с преследованием, Анжелика дошла до старой пятиэтажки и прошла в последний подъезд. Герман оглянулся: внизу простирался городок и море. Двор был заставлен тесно припаркованными друг к другу машинами. Интересного ничего он не увидел и направился обратно в пансионат. На сей раз на стойке администратора дежурила Лена. Герман представился и спросил, не выходила ли его любимая парочка в город.

– Вышли! – махнула Лена рукой. – В это время обычно уже уходят.

К шести часам Герман почувствовал голод и прошел по выданному Леной талону в столовую на ужин. В семь он устроился в засаде. Что он собирался увидеть, Герман и сам не понимал, но терпеливо принялся ждать. Буквально через полтора часа Игнат с Изабеллой вернулись в пансионат, таща с собой кучу тяжелых пакетов. «С едой», – подумал Герман и продолжил сидеть. В номере шестого этажа зажегся свет, но чуть позже яркое электрическое освещение сменилось на нечто, похожее на пламя свечи. Шторы задернули. Неведомая сила удерживала Германа на месте. Он сидел на низком пеньке за кустарником и жалел, что в пансионате так мало установлено фонарей. Вход худо-бедно освещался, но далее местность покрывал мрак. Правда, глаза быстро привыкли к темноте, и Герман вполне сносно разглядел троих старичков, бредущих к корпусу со стороны столовой – там после ужина устраивали развлекательные мероприятия.

После полуночи Герман понял, что выглядит на своем посту полным идиотом – чего он тут высидит становилось совершенно неясно. Алиби парочки еще днем проверили: их прекрасно помнили в ресторане, а в компьютере сохранилось время заказа. Герману не хотелось признаваться себе в том, что единственным выходом будет завтра проверить всех посетителей спа. Дело, конечно, повиснет, потому как никаких паспортов у народа там не спрашивали, а значит и выявить подозреваемых практически невозможно.

Герман задремал. Неожиданно неподалеку от него послышался шорох. Он открыл глаза, думая, что какая-нибудь белка прошмыгнула или кошка, шелестя опавшими листьями. Однако внимание его привлекло совсем другое, отчего он выпучил глаза и застыл на пеньке, не в силах пошевелиться. По аллее вышагивали два крупных зверя, волк и львица. В первый момент Германа шокировало безумное сходство зверей с Игнатом и Изабеллой. Показалось даже, что они просто собрались на маскарад и подобрали исключительно качественные костюмы, а шли на четырех «лапах» для пущей достоверности.

Однако, когда два зверя подошли ближе, Герман почувствовал, как волосы у него зашевелились на голове. От парочки веяло чем-то животным, звериным. Ни о каких людях тут и речи не шло. Оба зверя были крупными и крепкими, их шкура поблескивала в свете луны, большие лапы мягко ступали по асфальту. Морды странным образом походили на людские: это поразило Германа более всего. Волк имел явное сходство с Игнатом, а львица улыбалась точь-в-точь как Изабелла, к тому же периодически касалась своим телом волчьего, и терлась мордой о его черную мохнатую щеку.

Вдруг возле Германа опять прошелестела трава. Какая-то тень метнулась в его сторону, а шею царапнула острая иголлка. Герман вскрикнул и отпрянул, схватившись рукой за пораненное место. Рядом зашипели, послышался хруст веток. Герман понял, что надо преследовать

неведомого противника, но на него навалилась дикая усталость. Он начал заваливаться на бок. Над лицом нависли звериные морды, и тут он окончательно отключился...

***

Он метался по коридорам Дворца. Сплошные стены, без дверей и окон, узкие лестницы, ведущие в тупики, пикирующие с потолка летучие мыши, норовящие коснуться его тонкими, липкими крыльями, крысы и мыши, выбегающие из-под ног с остервенелым писком. Как-то промчался тощий кот, с безобразным мяуканьем схвативший лапой мышь и запихнувший ее в рот, только хвост висел наружу. Кот громко зачавкал, насмешливо глядя на него: вот, мол, тебе еды не досталось.

Отчаявшись найти комнату или иной выход в портал, он прислонился к холодной стене. Спины у него не было, но он почувствовал, как по ней потекла прохладная струйка воды. Он резко обернулся. Пить хотелось нестерпимо, и он готов был лизать стену, лишь бы хоть кончиком языка ощутить влагу. Перед ним чернело пустое пространство.

– Неважно, – сказал он тихо, – неважно. Пойду туда.

«Туда, туда, туда», – грохнуло эхо. Позади прошелестела летучая тварь, он шагнул в пустоту. Перед его глазами возникла огромная кухня. Шум и гам становился просто оглушающим: гремели кастрюли, с безумным грохотом ставились в печь горшки, стукались о стену прихватки, бренчали ложки, со свистом рассекали воздух ножи, занесенные над здоровыми кусками мяса, шипели сковороды, разбрызгивая кипящее масло, звенели бокалы, с громким хлопком вылетали пробки из пыльных бутылок с вином. Поварята стремительно бегали по кухне, а те, кто был за старших, прикрикивали на них, перекрывая остальные звуки.

Он отчаянно попытался сглотнуть, но слюны не ощутил. Зато он ощущал запахи. Тут жарили мясо, вроде баранину – она обладала специфическим ароматом, резали молодой чеснок, доставали из печи свежеспеченный хлеб – батон длиною в метр, не меньше. Пахло молоком, теплым молоком из-под коровы, от него даже пар шел. Терпкий запах выдержанного красного вина щекотал ноздри. Из горшочков тянуло наваристым, густым супом из свежайших овощей и молодого картофеля. Он устало сел на деревянный стул. Прямо перед ним повар изо всех сил лупасил по тушке молодого тельца, отрубая нужные части согласно лежавшей перед ним, забрызганной кровью схеме. Он опять сглотнул. В горле противно защекало. Он кашлянул. Эхо повторило его слабый «кхе».

– Кто шумит? Не шуметь! – гаркнул ему на ухо толстый повар. – Не шуметь, сказал! Сидит, кашляет, людям работать не дает! Изверг! – припечатал толстяк.

Он послушно кивнул, хотел спросить повара, нет ли у них на кухне портала, но сдержался: все равно не ответит. Эти существа обладали примерзкими характерами. Ничего не допросишься, ни снега зимой, ни воды при наводнении. Придется самому выбирать. Силы на исходе, снаружи возле единственного выхода сидят Волк и Лявица. Оставалось только положить на себя и рыскать по миру.

Слева возле плиты на стене был нарисован очаг. Справа, с противоположной стороны кухни, потрескивал огонь в настоящем очаге. Он напрягся, пытаясь вспомнить, что ему напоминал рисунок и почему он не мог отвести от него взгляд. Воспоминания прятались в том, другом мире. Ерунда, сплошь ерунда и мерзости. Существа хотелось нахмурить лоб. Почему-то казалось, сумеет он нахмуриться, и загадка очага решится. А вот не разгадает он ее, все – последний шанс исчезнет.

К настоящему очагу подошел поваренок и повесил на крюк котел с цельными тушками цыплят. Мальчонка с острым носом притащил воды и залил птицу. Его осенило: в ином мире существовало предание, согласно которому имелась возможность проткнуть рисунок с очагом носом и попасть в портал. Беспокоило одно: который из очагов нарисованный. Он с миражами

давно имел дело. Его не обманешь. Как бы определиться поточнее? Волнение становилось невыносимым: он четко чувствовал, что выход из пустыни здесь, на кухне. В котелке забурилась вода, цыплята болтались в жидкости, переворачиваясь с боку на бок.

– С одной стороны, по их дурацкой логике надо ломиться через настоящий очаг, – борясь со слабостью размышлял он. – С другой стороны, они как раз и подумают, что я так подумаю. Значит, портал спрятан в нарисованном очаге. Это очевидно, но потому маловероятно, а значит, вероятнее всего.

После подобных умозаключений он решил подойти поближе к очагам: должен же он почуять выход. Начал с того, где варились цыплята. Из котла уже вкусно пахло. Конечно, повара ведь в него накидали душистых трав, кореньев. Возле тушек плавали ароматные луковички. Ему стало жарко. Поленья потрескивали, огонь плясал вокруг котла, норовя залезть внутрь и попробовать варево. Поваренок подбежал, сунул в котел ложку, поворошил там немного и кинул горсть крупной соли. Он понаблюдал за очагом. Цыплята варились, как ни в чем не бывало. Он двинулся ко второму очагу.

– Изверг, куда пошел-то? – донеслось до него. Толстый повар шел к нему с миской. – Сейчас есть будем. Ты же голодный. Садись за стол.

Он прибавил ходу. Толстяк, несмотря на здоровый живот, не отставал. Повара заихикали и начали его окружать, выстраиваясь перед ним в цепочку, загораживая проход к нарисованному очагу. «Там!» – подумал он и в три гигантских прыжка преодолел остававшееся расстояние, четко вписавшись в небольшой проем между поварами. Оглядываться и останавливаться он не стал. Плюхнулся на картину, прорвав плотную бумагу...

***

Герман очнулся и увидел над собой знакомый матрас второй детской кровати. Он повернул голову. За столом сидела знакомая парочка. Они уплетали жареную на гриле курицу. Рядом валялся бумажный пакет с жирными пятнами и фольга, в которую им завернули курицу, чтобы не остыла.

– О, очухался! – Изабелла улыбнулась ему как родному. – Головой осторожно.

– Помню, – буркнул Герман. – Что со мной случилось? – спросил он и перебрался к столу.

Естественно, перед ним ту же выросла гора еды. В пластиковый стаканчик плеснули красного вина. Герман не дождался ответа и вгрызся в куриную грудку.

– Поплохело вам опять. Мы вышли погулять поздно вечером, а тут и вы валяетесь возле кустов. Слабы здоровьем. Работа нервная. – Изабелла сняла с курятины жареную шкуру, отправила ее в рот и бодро захрустела, полностью довольная собой.

Игнат, как обычно, выглядел суровым. В подтверждении слов подруги он просто развел руками и кивнул.

– Во сколько вы пошли гулять? – невинно поинтересовался Герман, надкусив сладкий южный лук. – Не поздновато?

Парочка переглянулась. Он у них уже успел заметить эту паршивую привычку переглядываться, когда вопрос им не нравился. Лица выражали легкое разочарование в собеседнике: либо вопрос казался парочке глупым, либо неуместным и невежливым.

– Около двенадцати, – буркнул Игнат. – А не помним.

Изабелла отрицательно помотала головой и погладила Игната по коленке.

– Не поздновато? – попытался максимально грозно спросить Герман, но мешал кусок курятины за щекой. Он сердито заработал челюстями. – Я сидел в засаде. Было больше двенадцати, когда на меня напали.

– На вас напали?! – ахнула Изабелла. – На стража порядка?!

– На стража, на стража, – подтвердил Герман. – Мало того, я вас видел и в весьма странном облиции.

Игнат вздохнул и посмотрел на него, как на нашкодившего ребенка.

– В каком же облиции мы вам привиделись? И кто на вас напал?

– Мы никого не видели, – вякнула Изабелла и коснулась руки своего чернявого друга.

Герман собрался с мыслями. Ситуация выглядела по-дурачки. А вдруг его нервная система и правда дала серьезный сбой? И потом, его же чем-то укололи. Вдруг теперь он помнит не то, что случилось на самом деле? Когда-то по молодости Герман пробовал наркотики – так вот, тогда у него такие глюки были, ой-ой-ой! После поди пойми, на самом деле все происходило или нет. Начать Герман решил с нападавшего, как с наиболее невинного воспоминания.

– Рядом со мной зашуршало. Вначале подумал, белка или кошка. Потом большая тень, человеческая, мелькнула и по шее царапнуло. Тут-то я и вырубился.

– У-у-у! Плохо! – припечатал Игнат. Изабелла перестала улыбаться, уголки ее губ поползли вниз. Игнат приобнял подругу и чмокнул в шею. – Вина подлить? – участливо поинтересовался он у Изабеллы, казалось, позабыв про Германа.

– Конечно! – капризно произнесла она. – Видишь, пусто, – продемонстрировала Изабелла пустой стакан.

– Почему плохо? – встрял Герман. – Вы что-то знаете? И почему я вас помню в виде здоровенных волка и львицы? – последняя фраза вылетела изо рта сама собой.

Парочка опять начала переглядываться и вздыхать. Герману даже стыдно стало за свое поведение. В последний раз он так себя чувствовал в школе, когда мать за прогулы ругала.

– Рассказать ему? – обратился Игнат к Изабелле, игнорируя Германа.

– Не поверит, – мотнула она головой.

– Вы рассказывайте, а я решу, что с этим делать, – сказал Герман сердито, но ответа услышать не успел: у него зазвонил мобильный. – Алло. Да, слушаю. Понял. Адрес диктуй. – Он взял упаковку от курицы и помотал рукой в воздухе перед носом у парочки: «дайте ручку». – Хорошо, скоро буду. По-моему, это недалеко отсюда.

– Случилось чего? – хором спросили Игнат и Изабелла.

– Случилось! – грозно ответил Герман. – Второй труп! Правда, несвежий, но с такими же, как у вашей соседки уколами и кровопотерей.

– Несвежий насколько? – поинтересовался Игнат.

– Точно пока не знаем. Около недели. Я пошел. Это тут неподалеку, – он встал. – А вы отсюда никуда! Я вернусь, продолжим.

– Ах, куда мы денемся, – сказала Изабелла. – Идите, мы вас подождем.

Герман отправился в путь, который лежал вверх, в горы. Через минуты три маршрут ему показался безумно знакомым. «Конечно! – вспомнил Герман. – Я же тут шел за Анжеликой!» Вскоре он очутился возле дома пышногрудой администраторши. На склоне, что вел вниз к городу, столпились полицейские и местное любопытствующее население.

– Докладывай, – велел Герман своему коллеге.

– Значит так. Труп нашла вот эта бабуля, – полицейский ткнул пальцем в стоявшую неподалеку пожилую женщину. – Прятали его не тщательно, но тут свалка. Тело прикрыли всякой дрянью, незаметно. Бабуля сюда пошла поискать полотенце – унесло с балкона ветром. А тут тебе и запахок, и картонки чуть уже в сторону сдвинулись. Она ногу и углядела.

– Труп, предварительно, неделя срока, – встряла Оля. – Те же ранки на шее и жуткая кровопотеря. А главное, посмотрите, лицо страшно изуродовано.

Герман коснулся царапины на собственной шее и передернулся. Он откинул простыню с лица жертвы. В самом деле, от лица осталось только кровавое месиво.

– Да, если с трупом из спа мы еще сомневались, убийство это или другая какая оказия, то сейчас ясно – убийство, – припечатал он. – Незаметненько проверьте Анжелику из пансионата.

Она тут живет. Может и совпадение, а может и нет. Личность жертвы тоже быстрее устанавливайте.

В пансионате стояла тишина. Герман вызвал лифт – сил топтать на шестой этаж не осталось. Он со всей силы ткнул мясистым пальцем в кнопку и пожелал себе удачно доехать.

– Рады видеть, рады видеть! – зашебетала Изабелла, открыв дверь номера. – Ну? – она вопросительно вздернула брови.

– Нет, уж! Вы мне сначала выкладывайте информацию, – Герман уселся на свое место за столом. Картина после его ухода не сильно изменилась, только возле груды куриных костей нарисовались эклеры. Он взял себе пирожное и уставился на своих визави.

– История давняя, – медленно произнес Игнат. – Ей столько тысяч лет, что не упомнишь. Есть иной мир. Пустыня. В качестве наказания туда помещен, – он запнулся, – помещена, нет, помещено, – Игнат опять замолчал, подбирая слова.

– Сущность, – встряла Изабелла. – Бесполой гадина.

– Не надо так, – ласково сказал Игнат. – Он не виноват. Оно, в смысле. Мучиться эту сущность определили в пустыню. Его такое предназначение за предательство и другие злодеяния, совершенные в мире людей. Оно мучиться, понятно, не желает и стремиться выбраться сюда, к вам. Тут оно принимает разные обличия. Не угадаешь! Мы с Изабеллой стережем выход в ваш мир. Какое-то время я стерег один. Мне помогали мои братья. Но однажды ко мне подошла Львица. Мы мгновенно узнали друг друга, и она осталась со мной, охранять портал. К сожалению, сущность может попадать к вам через миражи. Жутко сложная задача! Но когда сущности становится совсем плохо, ее почему-то спасают, оно находит выход. С трудом, изрядно помыкавшись, но находит. Здесь первое время сущности надо набраться сил, поэтому оно пьет кровь – восстановиться после пустыни. Бывает по-разному. Иногда не пьет, понимая, что этим сразу себя выдает. Поэтому старается справиться как-то иначе – чем он тут дольше, тем больше у него сил.

– Граф Дракула оно что ли? – недоверчиво спросил Герман. – Сказки какие-то.

– А кем оно только ни было! – хмыкнул Игнат. – И Дракулой был одно время. Сложность для ваших историков неимоверная. Сущность убивает реального человека, в которого она превратилась. Иногда сначала их тут вообще два близнеца бродит. Но сущности надо своего двойника убить, иначе это быстро обнаружится, так или иначе.

– Кем на сей раз стала ваша сущность? И вы тут зачем? – поинтересовался Герман.

– В том и вопрос! Мы не знаем, вместо кого оно! – воскликнула печально Изабелла, положив руку на плечо Игната. – Мы тут теряем свои способности чувствовать сущность. Ночами мы превращаемся в тех, кто мы есть – в Львицу и Волка, и сущность тоже теряет человеческий облик. Но пока мы не сумели ее учуять: походи тут у вас зверями. Помню, нас как-то обнаружили и решили, что мы бежали из зоопарка!

– Чуть не засадили в клетку! – подтвердил Игнат. – Судя по всему, на вас-то сущность и напала в кустах, – продолжил он. – И вообще, все указывает на то, что сущность в пансионате или возле него. Поэтому мы и стали общаться с Лидой. Думали это она.

Герман переваривал информацию. Он молча доел эклер, вытер салфеткой рот, сделал глоток вина.

– Вы едите так много, оттого что звери? – спросил он тихо, боясь поверить в происходящее.

– Ну да, – кивнула Изабелла, – аппетит нам следует гасить. Мы можем на человека напасть, когда ходим тут ночами. Это нехорошо.

С последним постулатом Герман не мог не согласиться.

– Как же мне найти убийцу? Вы его не чувствуете, а у меня нет пока никаких улик. И вообще, – он на минуту задумался, – получается в наш мир в любой момент может заявиться сущность и начать кровь из народа пить? Кстати, я думал, вампиры в шею кусают, а тут какие-то уколы.

– Кровь сущность пьет по-разному. Методы Дракулы устарели, – объяснил Игнат. – Хотя оно и сейчас не брезгует куснуть, если сильно захочется.

– А потом что? Когда напьется и сил наберется? – не отставал Герман.

– Не знаем. Пока всегда удавалось обнаружить сущность и засунуть в портал. Но мы постоянно следим за временем. Сущность не приходит просто так, в любое время. Портал открывается редко. Именно в этот момент она и пробирается, если находит выход в мираже. Пойдемте, – вдруг сказал он, вставая. – Покажем ему часы? Его же оцарапали. Он в опасности, – обратился он к Изабелле. – Видимо, подобрался к сущности совсем близко.

Втроем они вышли из пансионата, и парочка потащила Германа в гору. Тропинка пролежала чуть поодаль от дома Анжелики и вела дальше. Ветер затих. Тучи разметало по небу. Яркое солнце палило по-летнему.

– Куда мы направляемся? – пыхтя и утирая лоб от пота, спросил Герман.

– Скоро уже. Увидите, – заверил его Игнат.

Дорога становилась круче и круче, забирая то влево, то вправо. Сухая, колючая трава попадала в ботинки, неприятно щекоча ноги. Дыхание у Германа перехватывало, но парочка бодро двигалась вперед, и он старался не отставать. Забравшись на очередной холм, они остановились.

– Пришли, – провозгласил Игнат.

Герман покрутил головой, но не заметил ничего подозрительного.

– И дальше? Что я должен тут увидеть? – недовольно проворчал он.

– Вон там, – Изабелла показала на заросшую кустарником поляну. – Пошли поближе поглядим. Там солнечные часы.

Действительно, с первого взгляда незаметные, за кустами оказались часы. Циферблатом им служили цветы, высаженные по кругу, а в центре возвышался металлический гномон.

– Ничего странного не замечаете? – спросил Германа Игнат.

Герман посмотрел внимательнее.

– Ничего. – пожал он плечами.

– Как мы определяем время по солнечным часам? – не отставал Игнат.

– По тени, – ответил Герман и мгновенно заметил, что гномон тени не отбрасывал.

– Именно! – Игнат понял, что Герман наконец догадался. – Пока происходит затмение солнечных часов, портал для сущности открыт. Солнце есть, тени нет. Но когда гномон опять начнет отбрасывать тень и показывать время, сущность вернется в пустыню.

– Если, конечно, не наберется достаточно сил, чтобы удержаться здесь, – добавила Изабелла.

Обратно они спускались молча. Герман обмозговывал сложившуюся ситуацию и понимал, что пресловутую сущность следует брать старыми дедовскими способами, будь оно хоть сто раз из иного мира. А значит надо искать улики. Зазвонил телефон, заставив всю компанию вздрогнуть. Герман прослушал выданную ему информацию и отрывисто сказал в трубку:

– Берите ее. Прямых доказательств того, что она убила, нет. Но вопросы задать уже имеет смысл.

Парочка вопросительно смотрела на Германа. Он дал отбой и произнес:

– Опознали последнюю жертву, точнее, первую. Короче, несчастную с изуродованным лицом. Ее зовут Анжелика Свиридова – точно, как женщину, работающую администратором в пансионате. Сущность ваша, если это, конечно, новоявленная Анжелика, не почует неладное? Не смоемся в пустыню?

– Нет, почуять может ночью, но не сейчас. В пустыню пока обратного хода нет. Когда часы снова начнут отбрасывать тень, ее само собой засосет в портал. Как я говорил, если мало сил набралась, – объяснил Игнат. – По собственной воле сущность в пустыню не возвращается.

– Хреново ей там, – кивнула Изабелла.

– А вам? – Герман посмотрел на яркую парочку.

– Нам нормально. Даже хорошо, – Изабелла улыбнулась и сжала руку Игната в своей. – Это у сущности нет ни тела, ни дома, ни воды, ни питья. Самое неприятное – сущность все чувствует, как телесное создание, но сделать ничего в пустыне не может. А мы живем возле большого моря, до которого сущности никогда не дойти. Мы – мужчина и женщина, стражники вашего мира. У нас вдоволь пищи и пресной воды. Поэтому нам никогда не попасть в мираж. Мираж – это проклятие для любого, кто ищет несуществующее.

У Германа уже болела голова от получаемой информации. От продолжения сложной для его понимания беседы спас звонок и близость пансионата. Парочка пошла в сторону корпуса, а Герман ответил на вызов.

– У Анжелики на кухне в холодильнике стоят банки с кровью, – дрожащим голосом сказала Оля. – Первый раз подобное вижу! Вампириша, представляете? Уверена, это кровь жертв. Везу в лабораторию на проверку.

– Анжелику взяли? – у Германа мурашки побежали по коже от волнения.

– Да, она, как ни в чем не бывало, домой вернулась после прогулки по магазинам. Повезли в участок.

Герман помчался туда же. Он не совсем верил в рассказанное звериной парочкой, но, в любом случае, те самые факты и улики, которые так были необходимы в этом деле, появились. Причем, неопровержимые: он, как и Оля, был уверен, что кровь в банках окажется кровью жертв.

Остаток дня Герман провел за составлением протоколов и отчетов. Анжелика сидела за решеткой. Она ни в чем не признавалась, лишь заливисто хохотала в ответ на все вопросы.

– Сочтут невменяемой, – прокомментировал Герман Оле. – Нам тут с ней еще поговорить.

Тем не менее, в глубине души он был рад, что все так закончилось. Психически ненормальная – это куда лучше, чем сущность из пустыни, навещающая к людям, когда у солнечных часов случается затмение.

Вечером Герман, несмотря на усталость, решил навестить Игната и Изабеллу, рассказать им последние новости и попрощаться: после поимки Анжелики они собирались уезжать. «Неважно, куда они отправятся, в пустыню на свой пост или в столицу по месту регистрации, главное, уедут. А то неровен час я сам с ними со всеми с ума сойду», – думал он, поднимаясь к пансионату. Возле самых дверей мобильный прервал его размышления.

– Исчезла она, – чуть не плакала Оля. – Прямо из камеры исчезла! Замки на месте, никто с поста не отлучался, на видео – пустой коридор, отпечатков на дверях и замках нет!

– Не реви! – скомандовал Герман. – Разберемся. Не могла она испариться.

Но на душе у него стало препротивно. Он зашел в корпус. За стойкой сидела Лена.

– Ужас-то какой! – запричитала она. – Хорошо меня не покусала! Кошмар!

Герман устало кивнул и направился к лифту:

– Скажу ребятам, чем дело закончилось, – устало кинул он через плечо.

– Конечно, идите. Они не выходили. В номере сидят.

Постучав в дверь, Герман привалился к стене. Он представил, как через минуту будет сидеть за столом, с аппетитом есть, а потом, глядишь, и останется у них переночевать – больно неохота было тащиться домой. Анжелику будут искать без него. На дорогах посты предупредят, в ближайшем аэропорту, на станции. Городок маленький – скорее всего, здесь и обнаружат.

За дверью стояла странная тишина. Никто не елозил ключом в замке и не пытался впустить его внутрь. Герман нахмурился и пошел вниз.

– Мне нужно попасть в их номер. Не открывают, – обратился он к Лене.

Та всплеснула руками.

– Господи! Неужели их тоже порешили? Такая красивая пара! – она вытащила ключ.

– Пойдемте вместе. Мало ли, – о худшем Герману думать не хотелось, но понятая на всякий случай не помешает.

В номере было пусто: ни вещей, ни еды. Лишь многочисленные пакеты с мусором сиротливо стояли в холле.

– Они заплатили? – спросил Герман.

– Да. Но странно. Я никуда не отлучалась. Не выходили они из корпуса, точно.

Герман вышел на балкон. И вдруг ему показалось, что внизу среди высоких разлапистых деревьев он заметил две фигуры. Волк и Львица встали на задние лапы, помахали ему и исчезли в темноте. Герман потряс головой, стряхивая оцепенение.

***

Поутру Герман предложил Оле прогуляться:

– Покажу тебе одно место. Сколько здесь живу, никогда туда не забирался.

Девушка согласилась, и они пошли карабкаться в гору.

– Надо же, – захлопала Оля в ладоши, – солнечные часы! Я их только на картинках видела!

Герман подошел ближе. На траву от гномона падала четкая тень от солнца...

Вино с нотками смерти

Конец июня выдался особенно жарким. Нещадно палило солнце, а вокруг ни тенька, ни деревца. Герман остановился, вытер пот со лба и глотнул воды из теплой пластиковой бутылки. Он обернулся в надежде увидеть микрик, но дорога оставалась безнадежно пустой. Вздыхнув, детектив продолжил свой путь к заводу марочных вин.

Через полчаса он махнул удостоверением на проходной.

– Чего тут у вас стряслось? Куда идти?

– Сейчас, минуточку, я позову кого-нибудь, чтобы вас проводили. – Женщина за окошком начала быстро набирать номер на мобильном. – Ленка! – громко завопила она в трубку, словно «Ленка» находилась за тридевять земель, а общаться с ней приходилось без средств связи, при помощи луженой глотки. – Тут из полиции пришли. Надо проводить товарища, – женщина снова обратилась к Герману: – Сейчас Ленка вас проводит. Экскурсовод она у нас, но турья-то мало. Она и бегаёт, куда пошлют.

Да, из-за странной напасти под названием «Ковид» народу пока в маленький южный городок не понаехало. Говорили, с первого июля опять начнется столпотворение, и городок потихоньку оживал: выставляли столики на открытых верандах кафе, выкладывали на лотки товар, пылившийся с прошлого сезона на складах, устанавливали «раскладушки» с перечнем экскурсий на фоне выгоревших фотографий окрестностей. Впрочем, далеко не все сидели закрытыми. Например, на заводе марочных вин весь июнь проводились экскурсии и дегустации. Женщина на проходной права – людей приходило немного. Так тем более, зачем преступления совершать, особенно в такую жару...

Герман опять попытался уточнить, что стряслось, но в коридорчик вбежала юная дева в белом халатике и босоножках, блестящих стразами так, что в глазах рябило.

– Это вы из полиции? – спросила она Германа хорошо поставленным голосом. – Тогда пойдемте, отведу вас в дегустационный зал.

По дороге детективу удалось кое-что прояснить.

– Пришло пять человек, – вещала девица, как на экскурсии, цокая каблучками по плавленому асфальту. – Всех прислала алкосеть «Чача-бухача». У них там и кафе, и дегзалы, и магазины. Большая сеть.

– Так прислали они кого? – уточнил Герман.

– Прислали стажерок. Ну, знаете, женщин, которых взяли на работу с июля. Думают, турье понаедет, нужны будут продавщицы в магазины и дегзалы. А там же надо уметь языком чесать: рассказывать про вина, какие они классные и суперские, чего с чем пить.

– Знаю-знаю, – кивнул Герман. – Чего стряслось-то?

– Водила я их, водила по заводу. Они записывали в свои блокнотики, с умным видом, про бочки, про виноградники... Чего ни скажу, все давай записывать. Потом пошли дегустировать. Самое для них главное. По такому случаю дали им Нелли Павловну. Она у нас самая опытная в плане дегустаций. Я даже не скажу, сколько ей лет. Лет сто, наверное, – девица расхохоталась. – Ой, простите. – Она прикрыла рот ладошкой. На всех пяти пальчиках красовались дешёвые колечки, но тоже со стразами. – В общем, древняя она как этот мир. Начали дегустировать. Там одна была мусульманка. Им пить нельзя, прикиньте, – девица сделала круглые глаза. – А Нелли ей говорит: «Пей! Как ты иначе работать будешь?! Пей!» Та красная сидит как рак. Нелли ей опять: «Пей! Не уйдешь отсюда, не попробовав всех видов нашей продукции!» Она и не ушла.

– В каком смысле? – спросил Герман, немного ошалевший от жары и потока информации.

– Мертвая лежит именно она, – объяснила экскурсоводша, остановившись. – Выпила четыре бокала, а потом рухнула на пол. Замертво, – девушка понизила голос до шепота. – Как

вы думаете, она могла умереть просто от алкоголического шока? Не пила никогда, а тут выпила и бах. Нелли Павловна в полном ауте! Это ж получается она виновата! Споила!

Тут они подошли к невысокому зданию, на котором красовалась надпись «Дегустационный зал», чуть ниже: «Туалет Ж М», еще ниже: «Кроме детей до 21 года». К нижней табличке был прикреплен листок в прозрачном файлике, где крупными буквами напечатали: «Дети до 21 года дегустируют сок».

– Сюда! – призывно распахнула дверь «Ленка».

Они с Германом чуть-чуть потоптались у входа, пропуская друг друга вперед, в итоге Герман сдался на милость победившему феминизму и прошел внутрь. Справа, как и обещала надпись, красовались туалеты, слева располагался прилавок магазина, за которым стояла явно перепуганная женщина.

– Никуда не уходите, – велел ей Герман. – Я вас позже допрошу.

Та помотала головой: мол, никуда ни ногой.

Экскурсоводша повела детектива вверх по лестнице. На втором этаже массивные двери, которые вели в дегустационный зал, стояли распахнутыми, а в самом зале перед глазами представала застывшая картина. Возле окна стоял полукруглый стол, на котором красовались бокалы и пиалы с печеньками. За столом сидели четыре женщины, одна горестно всхлипывала. В центре зала на стуле сидела, как изваяние, пожилая дама – видимо, Нелли Павловна. Возле стены, на другом стуле, примостилась еще одна женщина. Она обмахивалась веером и вздыхала, закатывая глаза к потолку.

– Здравствуйте, где потерпевшая? – с надеждой, что мертвая все-таки не совсем мертва, спросил Герман присутствовавших.

– Тут она, – ответила тихо одна из стажерок, показывая на пол.

Детектив подошел к столу и увидел, что, действительно, на полу лежала «потерпевшая», рядом с ней валялся стул.

– Кто-то ее уже осматривал?

– Я осматривала, – откликнулась женщина с веером. – Я тут медсестрой работаю. Меня сразу вызвали, как она упала.

– Так, начнем по порядку. – Герман прошел к краю стола, достал из портфеля бумагу, ручку и мобильный телефон. – Сейчас я все тут сфотографирую. Из полиции уже должна была выехать машина с судмедэкспертом и другими специалистами. Поэтому пока так и сидим, ничего не трогаем. Они снимут отпечатки пальцев, заберут посуду и бутылки.

Детектив начал скрупулезно фотографировать все подряд. Потом он сел за стол и включил диктофон. На листе бумаги размашисто написал: «Протокол».

***

На сей раз вышвырнуло из человеческого мира в пустыню совершенно бесчеловечно. Даже такому бестелесному созданию было больно и обидно. Он мысленно потер несуществующими руками несуществующие бока, вспомнив, как его напоследок отделали скалкой. А дело было так. Попала Сущность из пустыни в деревню. Вообще-то, Сущность – это не «он» и не «она», поэтому такая путаница в местоимениях. По той же причине Сущности все равно, в кого превращаться в мире людей. В поисках портала, который бы вывел из пустыни, он забрел на скотоводческую ферму – очередной мираж, понятное дело, – и нашел там дырку в заборе. Пролез. А вылез уже в деревне. Лучше б не вылезал, потому что вошел в тело сильно пьющего мужика. Тот уж помирать после очередной попойки собрался, а тут сущность его тело и забрала, не вникнув в суть дела.

– Ах ты тварюка така! – до сих пор звучал в условной голове голос «супружницы». – Знову напывся, собака! Хай тобі грець!

И баба помчалась за ним со скалкой по деревенской улице. Никакого сострадания к попаданцу (знал он это название из человеческих книг и посчитал, что оно к нему прекрасно подходит) из другого мира. К тому же попаданцу в тело алкоголика. Более того, попаданцу в деревню, где кругом лужи, никакого тебе асфальта, грязь и хрюкающие свиньи. Не попадал он доселе в такие места, хоть и знал о них в теории. Теперь вот на практике посетил, черт бы их побрал! Но черт не поберет – очередная выдумка людская. Знал он чертей. Ленивые твари. Лежат целыми днями в гамаках, пузо почесывают. Совсем не страшные. В людской мир ходить не любят – суетно им там. К тому же люди сильно орут, их заметив.

Короче говоря, бежал он с трудом: к чужому телу привыкнуть не успел, и дорога не способствовала быстрому передвижению. Тем более, что тело было сильно выпимши, а под ноги, как назло, бросались с бешеным лаем собаки. Животные часто чуяли в нем неладное и тут аж завывали.

– Дывытесь, люди добры, – орала преследовавшая его баба, – знову супостат напився! Всю заначку на горилку спустил! А це ж Оксани було на черевычки видкладено! Ирод!

Кто такая Оксана он не знал, но понимал: сделало его новое тело нечто совершенно бессовестное. Пришлось бежать еще быстрее, однако, ноги заплетались и подкашивались – видимо, тело в самом деле выпило лишнего.

– От я тебэ! – преследовательница шлепала резиновыми сапогами уже совсем близко. – Выдшибу тобі, Вакула, бажання пыты! Все життя мени порушив! Молодисть згубив!

Не губил он ей молодости – всего-то в этой деревне несколько минут. Но возражений «супружница» явно не приняла бы. Тут внезапно разразилась метель, а из трубы дома, мимо которого, с трудом перебирая ногами, пыталась бежать сущность в новом теле, выскочил черт. На нем сидела баба и погоняла его со всей мочи.

«Ох, я попал!» – успел подумать он, чуть притормозил, переваривая увиденное, и тут получил скалкой по спине, голове и прочим частям несчастного тела.

Очнулся в пустыне – видимо, «супружница» до смерти мужика приложила. Все несуществующее тело ломило, голова гудела и хотелось выпить. Но не воды. «Сушняк», – вспомнил он странное людское слово. Оно сюда точно подходило. Не знал, почему, но чуял – подходило! «Больше ни капли! – опять мелькнула странная, незнакомая мысль. – Завязываю!» Но душа требовала опохмелиться. Да где ж тут в пустыне опохмелишься. Слово-то какое – опохмелиться. Он пожевал его, покрутил, повертел. Понял, что прежде чем «завязывать» следует выпить. Нет, не воды...

Побрел дальше в надежде найти очередной портал. У людей точно выпить найдется, «опохмелиться». Повсюду лишь желтел горячий песок, да небо аж заходило от синевы. Так бродить можно было годами. Впрочем, в пустыне времени не существовало. Но по-людски – годами. В мареве неожиданно мог появиться мираж. Тоже не гарантия спасения: не в каждом мираже находился портал. А, может, и в каждом. Только не всегда его отыщешь.

Вдруг вдаль он заметил зеленое поле. Ага, вот началось. Подошел ближе. Перед ним ровными рядами стояли многочисленные деревца, подпертые деревянными палочками.

– А ты, чертяга, что ж не работаешь? – послышался окрик.

«Что-то они все чертей все поминают? Не к добру», – подумал он.

– Марш виноград собирать! – ему сунули в руки большую плетеную корзину и дали пинка. – Не прохлаждаться!

«Прохладишься тут, как же». – Он поплелся к деревьям, нагибавшимся к земле под тяжестью виноградных гроздьев. Вдали стоял грузовик. К нему подбегали черти и вываливали в кузов черные ягоды. «Не повезло», – подумалось больной несуществующей голове.

***

В дегустационном зале стало шумно: Серега снимал отпечатки пальцев, Оленька исследовала труп, Герман продолжал допрос свидетелей.

– Она сидела рядом со мной, – продолжала рассказывать стажерка. – Она мне сразу сказала, еще до начала экскурсии, что не пьет.

– Зачем же на такую работу тогда устраивалась? – встрял Герман с вопросом.

– Ох, переехала сюда ее семья чуть больше года назад. Сначала Малика не работала – хватало заработка свекра и мужа. Они тут лепешки пекли. Народ покупал. Зимой было затишье, но все надеялись на новый сезон. А тут сами знаете, что случилось. У них ни денег, ни нормального дома, ничего, – женщина махнула рукой. – Мы все в таком положении оказались. Хотя приедем все равно тяжелее. Короче говоря, ей пришлось искать работу. Как указ про открытие курорта вышел, так потихоньку стали появляться вакансии. Сразу подвернулась «Чача-бухача». Им-то что с того, что она не пьет. Им даже лучше! В том году у них классный мужик работал. Так всех зазывал – к нему валом валили! Спился. И женщины спиваются. А что? Спиртное под боком халявное. По чуть-чуть весь день попивают, а итог печальный. Взяли Малику с радостью. Ее вместе со мной принимали. Говорят: «Зачем ей самой пить? Ей спаивать клиентов надо». Сюда пришли, а тут вот эта, – женщина кивнула в сторону Нелли Павловны. – «Пей, – говорит, – не уйдешь отсюда, пока все не продегустируешь». Мы думали, что станется с маленьких дегустационных порций. А видите, как обернулось. И ведь могла просто записать про вина. Зачем ее было заставлять пить? Она, знаете, по-восточному покорная. Привыкла подчиняться.

Герман призадумался. Не могла Малика помереть с четырех бокалов вина, в которых налито было на доньшке. Да, вроде, им наливали чуть побольше положенного туристам. Но этого «чуть» на двадцать, максимум тридцать миллилитров. Надо, конечно, будет спросить у Ольги о результатах вскрытия. Брало сильное сомнение, что от вина. Герман посмотрел на Нелли Павловну – странная женщина, фанат своего дела. Удивительно, но она не раскаивалась в содеянном и выглядела довольно спокойной.

– Ничего я ее не заставляла! – заявила Нелли Павловна во время допроса. – Я пошутила. С другой стороны, нечего приходить на дегустацию, если попробовать не можешь. Какой ты после этого профессионал?!

Герману вспомнились «профессионалы», работавшие в дегзалах по всему курорту. Они скорее разбирались в том, как впарить бутылку подороже. Тоже рестораны высокой кухни нашлись.

– Что успели выпить? – спросил он. Бутылки, понятное дело, уже положили в пакеты и подписали, но записать себе не повредит.

Бодро и даже отчасти радостно Нелли Павловна отрапортовала:

– Первым дегустируем легкое столовое белое, естественно. Потом я им наливаю молодое столовое красное для контраста. Потом более насыщенные белые, потом более крепкие... Вот вы у нас живете, местный, а не знаете процедуру дегустации, – с укоризной завершила она свою речь.

Несмотря на длительное, с рождения, проживание в этих краях, Герман на дегустации был в своей жизни всего один раз. Тогда он ухаживал за девушкой, обожавшей шампанское. Девица была неместная, познакомились они, когда она приехала в городок на студенческие каникулы. В те времена Герман пил только водку, чаще паленую. Но ради любви повез девушку в Солнечные поляны, где тогда располагался завод игристых вин. Дегустацию молодые люди дополнили самостоятельной закупкой какого-то дешевого игристого пойла. Голова потом

болела нещадно. С тех пор Герман, если чего и дегустировал, то без всякой на то системы, беспорядочно, а нередко и вовсе хаотично.

– Где бутылки для дегустации берете? – проигнорировав ремарку Нелли Павловны, продолжил Герман.

– Как где? У нас на заводе. Сюда перед началом дегустации кто-нибудь из девочек приносит. Они процедуру знают. Мы одни и те же вина наливаем. Иногда меняем, но тогда я специально прошу, предположим, новый сорт принести.

Через некоторое время следственно-оперативная группа вышла на улицу. Ленка-экскурсоводша выскочила вслед за ними.

– Ну как? Выяснили что-то? – спросила она Германа, дергая его за рукав рубашки.

– Пока наша информация разглашению не подлежит. Ничего не могу вам сказать.

– Не, ну это Нелли Павловна ее уморила? – не отставала девица.

– Лена, Нелли Павловна вряд ли ее уморила, как вы выразились, – ответил Герман, пытаясь отцепить от рубашки коготки экскурсоводши. – Но до вскрытия в любом случае делать выводы рано.

На Германа, криво улыбаясь, поглядывала Оленька. Ему удалось отцепиться от Лены и быстро нырнуть в нагретую на солнцепеке полицейскую машину.

– Вот адрес, – протянул он бумажку водителю. – Сначала поедем к потерпевшей домой.

Оля осталась ждать труповозку, а Серега забрался в машину к Герману. Народу в полиции не хватало, к тому же, ближе к сезону все, кто мог, старались устроиться на подработку – охранять разные заведения, где туристы к вечеру не чурались друг другу морду бить.

– Ребят, приехали, – затормозил водитель, – тут половина улицы без номеров на домах. Я примерно подъехал.

Узкая улочка располагалась далеко от моря. Некоторые отдыхающие, поверив объявлениям, заселялись, а после долго топали в поисках пляжа. Домики все были разномастные. В основном одноэтажные халупы, переделанные из гаражей и сараев. Маленькие оконца еле пропускали свет, крыши нагревались за день нещадно, удобства, ясное дело, во дворе. Герман и Серега высчитали нужный дом и постучали в железную дверь. Под крепким кулаком дверь заходила ходуном, чуть не провалившись внутрь.

– Чего надо? – старушка в черном платке и длинном выцветшем платье выглянула наружу.

– Здесь Малика Юнусова живет? – спросил Герман, показывая удостоверение.

– Чего надо? – повторила вопрос бабуля.

– Кто там, эни? – послышался мужской голос.

– Полиция. Спрашивают нашу Малику!

Из дома высунулся мужчина. На вид ему было лет пятьдесят: из-за седины сложно сказать точнее. Скорее всего, муж Малики.

– Что случилось? – спросил он более миролюбиво, чем его мать.

– Можно мы все-таки войдем? – не желая с порога ошарашивать родственников умершей, спросил Серега. – Есть проблемы.

– Проходите, – хозяева расступились. – У нас здесь, правда, не разгуляешься. Садитесь, – мужчина показал на два расшатанных стула.

Единственную комнату освещало окошко под потолком и тусклая лампочка без абажура. Вдоль трех стен стояли узкие кровати, посередине возвышался стол, накрытый старой клеенкой в коричневую клетку.

– Видите ли, – начал Герман, – Малика сегодня умерла. Во время экскурсии на завод марочных вин.

– Что?! – взвыла старушка. – Как умерла? На каком-то заводе?

– О чем вы? – вмешался мужчина. – Она ушла на работу. При чем здесь завод вин?

Они оба начали говорить с большим акцентом чем раньше, явно не понимая, в чем дело.

– Малика устроилась на работу, – объяснил Герман. – В дегустационный зал. На заводе у них была экскурсия. Ну... чтобы они понимали, какие вина продают.

Старушка и мужчина переглянулись.

– Это не она, – пробормотал мужчина. – Тут явно ошибка. Малика работает в пансионате уборщицей.

– В каком? – Герман приготовился записывать.

В итоге выяснилось, что каждый день женщина уходила на работу, якобы в пансионат «Ясные зорьки», еще с мая. Вроде он работал, принимая командировочных. Хотя какие у них командировочные... Впрочем, кто его знает, – могли под видом командировочных принимать случайных отдыхающих или бог знает кого. Вот там Малика и пахала, одна на все этажи. Герман попросил мужчину поехать на опознание. Он не сомневался в том, что Малика была его женой, потому что на показанной по его просьбе фотографии точно была снята именно она. Но порядок есть порядок, придется мужу подтвердить ее личность. Под завывания старушки они вышли из дома.

– Темная история, – шепнул Серега Гермону, – смотаться в пансионат?

– Он на другом конце города. Сейчас отвезем мужика на опознание, а потом на машине вместе рванем в пансионат.

По дороге Герман позвонил Оле узнать предварительные результаты осмотра трупа.

– Ее отравили, – уверенно ответила Оленька. – Даже без вскрытия понятно. К тому же, я позвонила ребятам в лабораторию. В бокале остатки яда. Как уж ее умудрились там травануть, непонятно.

– Чем? – Герман старался задавать вопросы кратко, чтобы не волновать мужа, который и так сильно нервничал, судя по всему, не осознавая произошедшее до конца.

– Есть подозрение, что это цианид. Миндалем пахнет. Малика могла не заметить привкуса, так как никогда не пила спиртного. К тому же, на дегустациях постоянно твердят о каких-то нотках, всяких тонкостях, различиях между винами. Мало ли, что нотка миндаля ей напомнила. Я вот вообще не в курсе, как миндаль пахнет. Зато в курсе, как пахнет цианид, – она засмеялась. – Ой, извини, что-то я развеселилась ни к месту, – запнулась Оля. – Короче, нам говорили, когда я училась, что цианистый калий воняет миндалем. И сам труп им воняет. Тут запах в наличии. И остальные признаки тоже. Лицо, например, синюшное, прям, багровое... Однако вскрытие покажет. Все-таки на моей практике это первое отравление.

– Надеюсь, и последнее. Спасибо, понял, – Герман уже думал о том, где убийца раздобыл цианид и как умудрился, точнее, умудрилась – мужчин в дегзале не было – его сыпануть в бокал с вином. Придется опросить всех дам еще разок.

В его голове выстраивался вопрос за вопросом. Он достал блокнот, куда по старинке записывал возникавшие мысли. Езда по ухабам не очень способствовала каллиграфическому письму, но Герман привык разбирать свои каракули, поэтому чиркал как придется. Вскоре они высадили мужа Малики возле морга, а сами поехали дальше – в пансионат «Ясные зорьки».

***

Работали на виноградниках, не покладая рук, точнее мохнатых лап. Черти, которых он всегда почитал за страшных лентяев, трудились без сна и отдыха. «Все это подозрительно, – мелькнула мысль, – нашлись тут стахановцы». Когда-то, в совершенно для себя ужасных обстоятельствах он познакомился с товарищем Стахановым. Да-да, вселился в тело шахтера, добывавшего уголь. Работенка просто кошмарная. А товарищ Стаханов умудрился за смену сто две тонны угля добыть вместо обычных семи. Ох, уж его чествовали! Водки тогда пришлось выхлебать немало, но до состояния деревенского Вакулы он и близко не дошел. И запомнил,

что, когда всякие рекорды на работе ставят, то надо говорить: «Стахановец!» Черти понятия не имели никакого о Стахановском движении, но явно пытались собрать винограда больше, чем все французы, итальянцы и прочие народности, культивировавшие это растение, вместе взятые.

– Давай, чертяга! – послышался опять окрик.

Вокруг недовольно зашипели подельники: «Лентяй!», «Отлынивает!», «Норму не дает!», «Вина не будет!», «Не заплатят!», «Наглый прихвостень!» Неожиданно он обнаружил, что покрылся за время работы шерстью, у него выросли лапы и длинный хвост – ну точно черт. «Ужас какой!» – промелькнула мысль, а по спине прокатилась неприятная струйка пота.

– Работаю я, работаю, – огрызнулся он, укладывая очередную гроздь в огромную корзину. – Хотя поесть бы дали, попить. Сдохну тут у вас. И вообще, какая оплата положена?

– Оплату ему! – опять зашипели черти, но главный ответил:

– Ладно, непривычный он. Пусть пойдет попьет. Иди, – ткнул он Сущность длинной палкой. – Об оплате не мечтай. Тут тебе не райские кущи. Чай, в ад попал.

«Вот так-так!» – ужаснулся и побрел в ту сторону, где, якобы, давали пить.

Дошел до пруда. Возле него паслись коровы и сидела на пенечке девушка в косыночке и лапоточках.

– Девушка, – просипел он не своим голосом, – а где тут чертям пить дают?

Вопрос прозвучал странно, а что делать...

– Ой, – воскликнула девица и закрыла руками глаза, – не знаю.

– Ладно, из пруда поплюю.

– Не пей, чертенушка, – встрепенулась девушка, – теленочком станешь.

– Чевой-то? Хотя мне уже можно и теленочком – хуже не будет.

– Не рекомендую, – неожиданно резким голосом молвила девица. – Дальше иди, колодец ищи. Ишь, надумал!

Побрел он дальше, хотя пить хотелось неимоверно. Вокруг простирались поля и луга. Откуда-то слышалась песня: «Маркиза, маркиза, маркиза Карабаса...» Из-за холма выбежал кот, державший в лапах сапоги. За ним бежал человек, похожий на короля.

– Ах ты, черт такой!!! Обманщик!!! Чьи это поля?! – орал он, поправляя корону.

«Опять черта поминают, а ведь очевидно – кот!» – подумала Сущность.

– Молодость загубил! – Вслед за королем по лугу мчалась принцесса, потрясая туфлей. – Пьянчужку подсунул, безродного бедняка! Вот я тебя!

– «Маркиза, маркиза, маркиза Карабаса...» – продолжала литься песня.

Пришлось, прячась в кустах, пробираться дальше, стараясь не попадаться странной компании на глаза. Вскоре вдаль он заметил речушку. Пошел быстрее – жажда совсем замучила. Возле речушки сидела на пенечке та же девушка, что до этого сидела возле пруда.

– Тебя как звать? – поинтересовался он.

– Аленушкой кличут, – с готовностью ответила девица, поправляя платочек.

– Из речки пить могу? – сразу перешла к делу сущность.

– Сам понимаешь, нет, – ответила она строго, – жеребеночком станешь, чертенушка!

Ему уже было все равно, в кого превращаться, лишь бы попить. Но отчего-то он побаивался скромной и тихой на вид Аленушки: больно голосок у нее становился резким и строгим. Как у учителей в школе. Как у надсмотрщиков на винограднике. Короче, послушаться он не посмел. Побрел дальше. По холмам опять промчался кот.

– Короля не видали с принцессой? – спросил он на ходу, обмахиваясь широкополой шляпой.

– Возле пруда пробегали, – ответила Сущность, – зело злые.

– Чего злые? – переспросил кот, остановившись.

– Зело злые. Значит, «очень злые», – пояснила Сущность, толком не понимая, откуда в ее голове такие познания.

– Понял! Выражайся по-человечески, – кот принялся снова бежать, но обернулся и крикнул: – Хотя какой из тебя человек, черт лысый!

Сущность провела лапой по голове. Нет, не лысый: на голове явно присутствовала шерсть. Но ответить коту не успел – тот уже скрылся за очередным холмом.

Тут показалось озеро. Естественно, возле водоема сидела клятая Аленушка. Она недобро усмехнулась:

– Опять ты?

– Ну я. Пить нельзя? Кем стану? – протараторил он вопросы.

– Нельзя, чертенушка. Козленочком станешь.

А тому все равно стало – так пить охота, что все равно, в кого оборачиваться. Подошел к озеру, посмотрел на себя в водицу. «Ну и рожа, – подумал, – козленочком может даже лучше». И давай пить. Вода чистая, прохладная, но потихоньку, действительно, стал замечать, что морда белеет, шерсть кудрявится. Рожки и копытца, правда, практически такими остались, как были.

– Видишь, говорила тебе! – запричитала Аленушка. – Возись теперь с тобой, недоумок!

От обзывательств стало обидно, не без того. Зато напился и новый образ ему нравился немного больше чем чертячий.

– Пошли, – девушка надела на его шею платок и потащила за собой. – Сколько говорю: «Не пейте, идите до колодца!» А они гигиену не соблюдают и пьют прямо так. Ладно кипятить – про это уж не молвлю, – приговаривала Аленушка ворчливо.

«Козленок» послушно плелся вслед за ней. Позабылась баба из деревни и даже виноградник. Он помнил, что все эти девицы могут запросто превращаться в ведьм и прочую нечисть, типа Бабы Яги, Снежной королевы или русалки, что тянет на дно морское. Несмотря на такие мысли, захотелось пощипать травки и позвенеть колокольчиком. Только вот колокольчик на шее не висел, а спросить не получалось – лишь бекалось и мекалось...

***

В «Ясных зорьках» Герману и Сереге сразу сказали, что никакая Малика у них никогда не работала. Вместо нее им бодро предъявили мощную русскую женщину Оксану Николаевну Голицину, и сразу заверили, что отношения к знаменитому роду Голицыных она не имеет, хотя этот момент следователей как раз совсем не интересовал. Оксана Николаевна после встречи с представителями власти подхватила ведро с водой и, не оглядываясь, направилась к выходу.

– Понимаете, у нас загрузка минимальная. Часть номеров закрыта. Мы даже мысли такой не имели – нанимать кого-то в помощь Оксане, – оправдывался директор пансионата. – В прошлом году в сезон ей помогала женщина. Кстати, мусульманка. Но вы ведь сами сказали, что речь идет о мае-июне. Да и звали ее не Малика.

На всякий случай, Герман решил записать данные той уборщицы. Кто его знает, совпадение или не совпадение, ведь откуда-то Малика узнала о «Ясных зорьках».

– Могла просто мимо проходить и запомнить название, – предположил Серега.

– Могла, – согласился Герман, – но проверить не повредит.

Рабочий день походил к концу. Он обзвонил всех свидетелей преступления и попросил их быть утром следующего дня в дегустационном зале. Сегодня оставалось навестить бывшую уборщицу пансионата. Амина Хайруллина жила в многоэтажном доме советской постройки. Идти до него было от пансионата недалеко, но постоянно в гору. Водитель не стал смотреть на часы – не каждый день отравления случаются, и отвез Германа с Серегой по адресу.

Дверь подъезда оказалось открытой. Мобильный Амины был отключен, и оставалось надеяться, что она дома, а главное, что она скажет нечто важное. После вопроса «кто там» Герман долго показывал удостоверение, увещевая хозяйку квартиры впустить их. В итоге, она решилась на «отчаянный шаг». Внутри нарисовался мальчик лет десяти и громко лающая крохотная собачка на трясущихся ножках.

– Убери ее! – велела мать мальчишке. – Запри на кухне. Так чего вы хотите?

– Не знаете ли вы случайно эту женщину? – Герман показал фотографию Малики. – Она сказала, что работала в пансионате «Ясные зорьки», но там ее никто не видел.

Амина закивала:

– Да, я знаю Малику. А что она натворила?

– Она ничего не натворила. Ее сегодня утром отравили на заводе марочных вин. Но ни свекровь, ни муж не в курсе того, что она устраивалась на работу в алкосеть. Они уверены, что Малика работает в пансионате уборщицей.

– Ох-ох, – запричитала Амина. – Какое несчастье! Видите ли, мой муж дальний родственник мужа Малики. Поэтому они сюда переехали. Мы им особо ничем помочь не могли, но первое время они даже жили у нас. Недолго – квартира-то двухкомнатная, малогабаритная. Малика, конечно, знала, где я работаю. Меня летом взяли, а потом я оттуда ушла, потому что загрузки такой уже не было.

– Вы с ней часто виделись? – встрял Герман. – Были в курсе их дел?

– Нет, не часто, – вздохнула Амина. – Ее муж особо никуда не пускал. Отец и свекровь тоже строгих нравов. Да и мне некогда: сын школьник. То отведи его в школу, то забери. В секции он у нас ходит. В шахматы играет хорошо, подает надежды, – гордо сказала женщины. – Но кружок далеко отсюда, поэтому вожу его.

– Что ж, вообще ничего об их жизни не знаете? – настаивал Герман.

Амина покачала головой.

– Знаю, что была у них пекарня. На зиму закрылись, а потом так и не открылись. – Тут Амина хлопнула себя по лбу. – О! Я Малику видела недавно. Она шла по набережной с еще одной женщиной. Мы поздоровались и все. Уж пригодится ли это вам...

Герман полез в телефон.

– Посмотрите, нет ли той женщины среди этих, – он начал показывать фото свидетелей. На третьей фотографии Амина тыкнула в экран пальцем.

– Вот, она! Яркая такая, потому запомнила. Рядом с Маликой смотрелась странно. Малика всегда ходила в платок закутанная, как положено. Платье простое, до пят. Без макияжа. А ведь красивая была... Как жаль-то! Да, а эта была в мини-юбке, на каблуках, в ярко-красной куртке. Вся расфуфыренная. Я удивилась, но всякое бывает – может случайная знакомая.

Вечером Герман сидел в кабинете, который он делил с Оленькой. Они заказали пищу, решив дела на пустой желудок не обсуждать.

– Что у нас есть, – Оля листала отчеты. – Девяносто девять процентов ее траванули цианистым калием. Яд подсыпали в бокал с красным вином, который стажерки пили вторым. Видимо, Малике становилось все хуже, а после четвертого бокала она упала замертво. Когда пришла медсестра, делать что-либо было поздно. Впрочем, провести детоксикацию можно только в больничных условиях и быстро, сразу после отравления. Теоретически. В большинстве случаев люди умирают.

– Я правильно понял: в бутылках яда не нашли?

– Верно, – подтвердила Оля, прожевывая кусок «Маргариты», – только в бокале. Получается, сыпанул кто-то именно Малике. А ты что узнал?

– Малика зачем-то врала дома, что ходит на работу в пансионат «Ясные зорьки». О пансионате узнала от дальней родственницы, у которой ее семья останавливалась в том году. Вопрос, зачем врала и куда ходила на самом деле.

– Врать могла, потому что ей бы не разрешили работать в дегзале, – встряла Оля.

– Верно, версия неплохая сама по себе. Но устроилась она в «Чачу-бухачу» недавно. А врала с мая. Куда она ходила каждый день? Завтра попробую вывести. Попросил всех свидетелей собраться снова на заводе. Кроме всего прочего, родственница Малики сказала, что видела ее вместе с другой дамой на набережной. Ничего удивительного в этом нет – они устраивались в «Чачу-бухачу» одновременно. Однако она могла что-то знать. Сразу человек не всегда соображает, что может оказаться важным. Пораспрашиваю.

На следующий день вся компания снова заняла свои места – точно, как было во время злосчастной дегустации.

– Итак, – провозгласил Герман, включив диктофон и приготовившись делать записи в своем блокноте, – сейчас мы поминутно, а если надо, и посекундно, проверим, как все происходило с момента вашего прихода в этот зал. Мы уже знаем, что бокалы сюда принесли чистые, а в бутылках никакого яда не было. Нелли Павловна поставила перед каждым на поднос по десять бокалов. Все это видели – она брала чистый бокал, который только что был тщательно вымыт... слава Ковиду, всю посуду обработали прямо на ваших глазах... затем поставлен на поднос. Так было дело? – обратился Герман к Нелли Павловне и Лене, которая как раз и занималась обработкой специальным раствором всей задействованной посуды.

Обе женщины кивнули.

– Получается, нам надо восстановить все, начиная с того момента, когда перед каждой из вас поставили бокалы.

– А если ее случайно отравили? – спросила одна из стажерок. – Хотели кого-то другого, а сыпанули ей.

– Теоретически такое могло случиться. Но вряд ли. Именно сейчас мы и пытаемся восстановить всю картину, чтобы понять, когда яд мог быть подсыпан. Лена, поставьте бокалы перед свидетелями.

Лена расставила специальные подносы с выемками под основания бокалов. Затем, вместе с Нелли Павловной, она начала расставлять посуду.

– Делайте все так, как вчера. Не останавливайтесь, если не останавливались тогда, – попросил Герман. – На меня не обращайтесь никакого внимания.

Женщинам сложно было не обращать внимания на детектива, но они старательно пытались следовать его инструкциям. После того, как бокалы расставили, Лена отошла в сторону и села на стул возле шкафа с посудой. Нелли Павловна взяла первую бутылку. Герман заранее попросил принести те же вина, что были на дегустации, и разливать их в той же последовательности.

– Белое сухое молодое, – объявила Нелли Павловна и показала всем бутылку.

«Повторение – мать учения», – подумал Герман.

– Наш сорт винограда, который мы выращиваем в этой области двадцать лет. Хорошо подходит для... – И она начала разливать вино, параллельно комментируя, подо что его обычно подают.

Вторым она разливала молодое красное.

– Обычно мы так не делаем, – говорила Нелли Павловна, – но я всегда сразу после первого бокала белого наливаю молодое красное, чтобы дегустаторы почувствовали разницу, – она начала рассказ про дегустируемый сорт, призывая стажерок сначала поболтать вино в бокале, потом посмотреть на стенки бокала, потом сунуть в бокал нос и понюхать, и только затем чуть пригубить.

Все увлеклись процессом, немного позабыв, зачем собрались. Но тут одна из женщин, сидевших с левого края стола, вскрикнула:

– Пойдите!

Народ аж вздрогнул, те, кто начал пробовать вино, чуть не поперхнулись.

– Что случилось? – спросил Герман.

– Я вспомнила! В тот момент, когда разлили вино, и Нелли Павловна нам объясняла, как правильно дегустировать, Лена пошла окно отрывать. Его заело, она дергала за ручку, а мы даже встали ей помочь. Я особо никого позади себя не видела... Точнее, не следила, кто встал, кто не встал. Но мы прервались.

Лена передернула плечами.

– Да, стало жутко жарко. Эта дегустация была вчера первой, а на ночь мы окна закрываем. Стало жарко, и я увидела, что окна закрыты. Пошла к ближайшему и начала дергать. Окна старые, поэтому иногда заедают.

– Почему сразу не сказали об этом? Я же спрашивал, прерывалась ли чем-то дегустация! – насупил брови Герман.

– Я лично забыла, – развела руками Нелли Павловна.

Остальные тоже развели руками и закивали: забылось на фоне более трагического происшествия. Да никто и не подумал, что это может быть важно. Ну открыли окно, что тут такого. Герман попросил продолжить дегустацию вплоть до момента падения Малики со стула. Никаких иных отвлекающих моментов не обнаружилось.

– Что ж, – объявил Герман, – а теперь возвращаемся к происшествию с окном.

– Какое ж это происшествие?! – несколько нервно взвизгнула Ленка.

– Вот и посмотрим. Нелли Павловна, снова налейте того красного и повторите начало процедуры. Все остальные, когда Елена пойдет открывать окно, действуйте точно также как вчера. В том же порядке вставайте и идите ей помогать. Кто остался на месте, оставайтесь сидеть за столом. Примите ту же позу – если обернулись к окну, то и сейчас обернитесь. Вы, – обратился Герман к Ирине – женщине, сидевшей рядом с Маликой, – сначала делайте то, что вы делали. Потом опишите, что делала Малика. Насколько вы заметили, конечно, ее действия...

***

Без головы думалось куда лучше, чем с козлиной. Сейчас мысли сбивались, путались и никак не хотели выстаиваться в логические цепочки. Ничего удивительного: козел он и есть козел, пусть и маленький. Хотелось бегать, щипать травку, мекать-бекать, а желание вернуться обратно в человеческий мир притуплялось и теряло четкие очертания. Он постарался напрячься. Какая-то мысль цеплялась за мозг, пытаясь заставить его вспомнить важное.

– Что, козленочек, хмуришься? – неожиданно послышался голос Аленушки. – Пригорюнился? Говорила тебе: не пей из реченьки, не пей из прудика, не пей из озерца... А вам мужикам, бесполезно советы давать – все равно по-своему сделаете. Короче, наслаждайся жизнью. Недолго осталось, скоро тебя жарить будем, – она захохотала и потянула его дальше.

Вскоре они дошли до дворца. Из него вышел царь, сильно смахивающий на того, который мчался за котом с сапогами в лапах.

– Ах, каким ветром к нам такую красавицу занесло! – захохотал он, театрально заламывая руки. – Женюсь, право слово, женюсь! Сей же момент! Вы согласны, девушка?

Аленушка покраснела, поправила платочек и скромно ответила:

– Согласна, царь-батюшка, разве ж от такого предложения отказываются. Только одна у меня к вам просьбочка.

– Глаголь, девица! – благосклонно позволил царь, решив, что с него не убудет.

– Козленочка тоже надо бы оставить со мной. Это братец Иванушка. Несмышлениш еще. Выпил водицы из озерца и оборотился в козла.

– Некоторые и без воды козлами становятся, понимаю. Бери своего братца и пойдем к свадьбе готовиться.

Долго ли коротко ли, ходит козленочек по лужку перед дворцом и думу думает. Чего-то свербит в его кучерявой головушке, а толку – ноль. Тут мимо кот тихонько проходил. Говорит:

– Скоро тебя жарить будут. Быстрее думай.

– Как жарить? – всполошился козленок. Опять вышло только «бе-ме», но кот о смысле звуков догадался.

– Аленушка ведьмой обернулась. Велела костры жечь, а тебя освежевать и пожарить.

«Вот же напасть! Про то я и пытался вспомнить!» – подумала несчастная Сущность и решила еще разок бекнуть – вдруг кот поймет.

– Есть же способ миновать сию процедуру. Никак не вспомню, что делать надо.

Кот повертел головой по сторонам, боясь спалиться. Но решил помочь попавшему в беду козленочку, так как тому никакой пользы от мыслительной деятельности не было, более того, состояние мозга только ухудшалось.

– Перекинуться тебе надобно три раза через голову. Сечешь? Побежал я, а то царь сильно сердится за то, что я ему наврал про владения хозяина моего, – кот покрепче прижал к себе сапоги и рванул в сторону леса.

Запахло дымом. Забегали черти в ливреях. Они собирали хворост в кучи и поджигали костры, радостно потирая лапы в предвкушении знатного развлечения. Действовать следовало быстро. Козленочек попрыгал для разминки, не будучи уверенным в своей способности перекидываться через голову. Но тут он заметил, что пара чертей направилась к нему. В лапах они держали вовсе не хворост, а два здоровенных ножа. От такого зрелища у козленочка мороз по коже пробежал. Запрыгаешь тут, хоть через голову, хоть как. Он еще раз подпрыгнул на месте, глубоко вздохнул и перекинулся три раза через голову...

Вокруг стояли столы с пустыми бокалами. В распахнутое окно светило летнее солнце. Оглядев себя, понял, что оборотился в женщину, видимо, не молодую, но телом крепкую.

– Нелли Павловна! – раздался откуда-то крик. – Закончили? Убираем?

– Да, с этим закончили. Есть там еще группы сегодня? – слова сами формировались в предложения и вылетали изо рта. «Кто я? – подумалось и тут же пришел ответ: – Один из старейших работников завода марочных вин». Голова мыслила четко и ясно, не в пример козленочку. Впрочем, образ кучерявого быстро улетучивался. На его место вставали новые воспоминания.

– На сегодня все, Нелли Павловна. Кстати, тут вам просили передать – новое вино. Попробуйте. Пойдет под этикеткой с репродукциями картин Айвазовского.

«Нелли Павловна» взяла бутылку и почувствовала неодолимое желание выпить. Видимо, сказывалось старое желание опохмелиться. Она взяла чистый бокал и плеснула на дно.

– Вам, Серафима Андреевна, плеснуть? – спросила Нелли Павловна у коллеги.

– Отчего ж нет, плесните.

Они со знанием дела поболтали вино в бокале, посмотрели на свет, понюхали, засунув нос чуть ни целиком в бокал, и, наконец, сделали глоток. Красное было терпким и густым. В нем явно чувствовались нотки черной смородины, немного ежевики и цитруса. Чуток отдавало трюфелем, что было явным признаком дорогого вина.

– Молодцы, хороший букет получился, – похвалила «Нелли Павловна», все сильнее вживаясь в свой новый человеческий образ, который ей нравился больше и больше.

Серафима Андреевна согласилась и предложила еще по глоточку. В этот раз они налили побольше и насыпали в пиалу печенюшек.

– Будем здоровы, Нелли Павловна!

– Будем здоровы, Серафима Андреевна!

***

Все старательно выполнили инструкцию Германа. Нелли Павловна разлила красное по бокалам, Лена пошла открывать окно.

– Я помогу! – сразу вызвалась Нелли Павловна. – Окно старое, Леночка, аккуратнее.

Головы стажерок повернулись в сторону окна. Лена и Нелли Павловна придерживали одну створку, пытаясь осторожно дергать другую.

– Тогда было тяжелее, – прокомментировала Лена, – ветер сильно дул.

Три женщины поднялись со стульев. Одна пошла помогать.

– А вы просто стояли? – обратился Герман к двум другим женщинам.

– Да, там уже трое столпились. Мы понимали, что особо от нас толку никакого, но остались стоять.

– А Малика что делала?

– Я совсем не помню. Вроде, она тоже встала, но точно сказать не могу – мы повернулись к ней спиной. Когда рассаживались обратно, она сидела...

Герман обратился к Ирине, подруге Малики:

– А вы что делали? И вы должны были видеть Малику – она находилась перед вами.

– Я сидела. Малика сначала вскочила, как и все, потом села. И мы все смотрели в сторону окна. Но это все быстро закончилось. Буквально минут за пять. Ничего особенного не произошло, – Ирина говорила быстро и крутила пустой бокал в руках.

– Так, мы с вами пройдем в другую комнату, – Герман показал Ирине рукой в сторону двери. – Остальные, пожалуйста, оставайтесь здесь.

– Зачем в другую комнату? – запротестовала Ирина. – Что я сделала?

– Сейчас важно каждого опросить отдельно, – отрезал Герман. – Не нервничайте.

В дегустационном зале остался полицейский и один из охранников завода. Герман с Ириной пошли в служебную комнатенку, располагавшуюся за соседней дверью. Не успел Герман начать разговор, как у него зазвонил мобильный.

– Привет, – бодро поприветствовал его Серега. – Говорить можешь?

– Минутку, выйду из комнаты. – Герман закрыл за собой дверь и встал в коридоре. – Давай, слушаю.

– Ты был прав. Я тут побродил в округе с фоткой Малики, поспрашивал. Соседи ничего особенного не сказали, а вот ближе к набережной ее узнали в паре маленьких продовольственных и, самое главное, в парикмахерской. Дело в том, что окно парикмахерской выходит на магазинную улицу, которая тянется вдоль набережной. Малику несколько раз видели входящей или выходящей из ювелирной мастерской. Интересно и другое – подружку, судя по описанию, тоже видели в мастерской. То есть, они обе туда зачем-то заходили. Надо бы зайти в эту мастерскую.

– Отлично! Тогда иди в ювелирку. А я тут закончу. И еще запроси сразу информацию по мастерской. Как зарегистрирована, кто владелец. Ну сам понимаешь.

Поговорив с Серегой, Герман зашел в комнатку, где его ждала Ирина. Теперь интерес к ней удвоился.

– Итак, расскажите мне про ювелирную мастерскую по улице Морской, девятнадцать.

– А что с ней? – женщина заметно напряглась, но изо всех сил пыталась напустить на себя равнодушный вид.

– Вас и Малику видели в ней неоднократно. Для ищущих любой заработок женщин странно регулярно заходить в ювелирку.

– Почему Малика туда ходила, понятия не имею. – Ирина закинула ногу на ногу и посмотрела по сторонам. – А я... я ходила просто посмотреть. Как-то что-то ремонтировала... из старого.

– Хорошо, – кивнул Герман, захлопывая блокнот. – Пойдемте.

В дегустационном зале стоял гул, будто рой пчел налетел: женщины горячо обсуждали происшествие. Герман вздохнул и постарался перекрычать их голоса:

– Всем придется дать подписку о невыезде. Ваша помощь еще понадобится.

– Да куда нам ехать-то? – хмыкнула Лена. – Даже были б деньги, из-за коронавируса не разгуляешься особо.

Все согласно закивали, но Герман спор затевать не стал.

– Порядок есть порядок, – заключил он. – Бумаги подписывайте и будьте готовы подъехать в отделение, если понадобится. А вот вам, – он обратился к Ирине, – придется поехать в отделение прямо сейчас.

– Но я не могу! У меня куча дел! И так тут просидела полдня!

– Придется дела отложить. Мы постараемся побыстрее вас отпустить, но пока подождите нас с товарищем. Мы вынуждены будем продолжить с вами беседу.

По дороге к машине снова позвонил Серега.

– Две новости, Герман, – заговорил он запыхавшимся голосом.

– Плохая и хорошая? – усмехнулся детектив.

– Скорее, обе любопытные. Я зашел в мастерскую. Там маленький магазинчик и закуток, где находится мастерская по ремонту. Внутри был один мужчина за прилавком. Показываю ему фото Малики, спрашиваю, знал ли он ее. Тот плечами пожимает: «Не помню». А тут мне звонят из отделения. Короче, хозяин мастерской сидел по делу о кражах с ювелирного завода в Волгореченске. Вышел за хорошее поведение и поехал сюда при старой власти. Зарегистрировал магазин бижутерии, потому никакого внимания не привлекал. А ремонт зарегистрирован, как металлоремонт, типа ключи всякие и тому подобное. Я и говорю хозяину: мол, пройдемте в отделение давать показания. Тот попросился переодеться и взять документы. Я разрешил. Он в подсобку. Слышу, дверь – хлоп! Я побежал туда, а там служебный выход. Но выходит-то он на набережную, а по ней как раз Егорыч идет, патрулирует. Я ему ору: «Егорыч, бери гада!» Ну Егорыч и взял, даже бежать не пришлось – ювелир прямо к нему в руки чесал.

– Так понимаю, теперь бегун в отделении?

– Да, в нем родимом.

– Я ему подругу везу. До встречи!

В отделении, несмотря на небольшое пространство для маневра, для начала решили двух свидетелей не сталкивать лицом к лицу. Ювелира оставили писать объяснительную – зачем пытался бежать от стражей порядка. А в другой комнате Ирина начала писать в подробностях о своем знакомстве с Маликой и о посещении мастерской. Вооружившись ордером на обыск, там уже шуровала полиция. В маленьком кабинете Германа, где он обитался вместе с Оленькой, собралась небольшая группа.

– Мы получили весьма интересную информацию, – объявил хозяин кабинета, шелестя бумажками. – Но весьма разношерстную. Считаю, что все это как-то связано с отравлением Малики Юнусовой. Итак, действующие лица нашего спектакля: Сидорчук Дмитрий Юрьевич, отсидел пять лет с две тысячи пятого по две тысячи десятый за постоянные хищения золотишка с завода, вышел, переехал на Украину...

– В Украину, – хихикнула Оля, но Герман только сурово на нее зыркнул: не до шуточек.

– Так вот, здесь открыл магазин бижутерии и мастерскую по ремонту металлоизделий. Только что звонили оттуда наши ребята. В сейфе нашли кучу золотишка. Опросили народ из близлежащих кафе и магазинов. Говорят, скупал и перепродавал золотые изделия, но это лишь

слухи и догадки. А вот золото из сейфа уже можно к делу присовокуплять. Сейчас домой к нему поехали. Второе действующее лицо – Малахова Ирина Олеговна...

– Всегда сочувствовал женщинам с таким отчеством, – хохотнул Серега.

– Почему? – любопытствовала Оля.

– ОлеГАВНА! – четко произнес Серега. – Понимаешь? Мы же не произносим «о», получается смешно. Прости, Герман, продолжай.

– Спасибо, – ехидно произнес детектив. – Малахова, как опять-таки оперативно выяснили наши сотрудники с помощью «Чачи-бухачи»... Не ржать! Кадровики компании нам прислали ее послужной список под названием «Резюме», блин, ничего русского уже не осталось, и копию трудовой. Так вот, она работала на том же заводе, что и Сидорчук, в то же время. Никакой связи с его хищениями не установлено. Однако интересенькие совпадения. Сюда после отсидки сначала переехал Сидорчук, чуть позже переехала Малахова. В общем, засучиваем в переносном смысле рукава и идем вытряхивать информацию. Сейчас только получим результаты обыска у обоих.

Результаты обыска оказались весьма интересными. У Сидорчука нашли золотишко, причем, было подозрение, что часть золота являлась не обнаруженной в свое время пропажей с завода, а другая часть – неофициально скупленной у населения. Впрочем, у Малаховой тоже нашли золото. В том же ящике комода стояла маленькая баночка из-под лекарства. Так как дело было связано с отравлением, баночку отправили на экспертизу, но даже предварительный анализ показал наличие в ней цианида.

– Они там зачем-то используют цианистый калий в ювелирном деле. Видимо, стащили тогда же, давно, с завода, – доложил сотрудник.

Оставалось связать все ниточки. Герман никак не мог взять в толк, зачем было травить несчастную Малику, зачем устраиваться в «Чачу-бухачу», зачем Малика врала про работу уборщицей в пансионате и зачем ходила к Сидорчуку в магазинчик. Но так как против Малаховой нашлись улики, Герман надеялся на ее признания. И Сидорчук, скорее всего, захочет сотрудничать и расскажет правду.

– Ирина Олеговна, советую вам во всем признаться, – ласково начал свою речь Герман. – Вы единственная, кто мог подсыпать цианид в бокал Юнусовой, когда все смотрели на окно. Вы сидели за столом последней. За вами никого не было, никто не мог этого заметить. Плюс, у вас дома нашли баночку, в которой хранился цианистый калий.

Женщина зарыдала.

– Сволочь! – слышалось сквозь рыдания. – Всю жизнь мою сгубил! Ирод!

– Давайте успокоимся и все расскажем по порядку. – Герман взял несколько салфеток и сунул Ирине.

Прошло несколько дней. Оленька, не имевшая возможности нормально поговорить с Германом, наконец, сдав все отчеты по делу, предложила заказать пиццу и посидеть спокойно, пока никакой турист ничего не напортичит.

– Рассказывай! Прямо сериал какой-то любовный получается, но я не все поняла.

Герман дожевал кусок пиццы, отхлебнул кофе и кивнул Оле.

– Сам в шоке! Представляешь, эта Ирина была влюблена в Сидорчука со времен ювелирного техникума. Устроилась вслед за ним на завод. А он сразу начал приворачивать помаленьку. Часть, пользуясь любовью Малаховой, хранил у нее, часть перепродавал. Из остального делал украшения. Ну и тоже продавал. Но его поймали в итоге. Однако об участии Ирины в деле никто не знал. Она ведь не только хранила украденное золото и пресловутый цианистый калий, но и помогала перепродавать украшения. Когда они сюда переехали, Ирина перевезла то, что хранилось у нее. Здесь бизнес сначала шел паршиво. Сидорчук боялся попасться, а с его судимостью это имело бы печальные последствия. Прошло почти десять лет. Расслабился

маленько. Решил расширить свою деятельность. И тут к нему пришла Малика. Она хотела сдать свои украшения, потому что денег в семье совсем не было. Пришла она в апреле. На дворе ковид, а ювелир вздумал влюбиться. Он всячески начал обхаживать Малику, а она, видевшая в жизни лишь бедность, унижения от свекрови и побои от мужа, растаяла и тоже влюбилась. Короче, сначала Малика наврала про работу, чтобы бегать к Сидорчуку на свидания, а потом он еще и попросил ее развезить заказанные украшения или забирать сдаваемые.

– Ирина заревновала, – догадалась Оля, – но травить-то зачем?

– О, там история развивалась по полной программе! Сидорчуку попреки Ирины надоели. К тому же она начала его шантажировать: мол, пойдет в полицию и накапает на него. Тогда наш ювелир решил тайно отсюда съехать. Причем, вместе с Маликой.

– Она же замужем, – встряла Оленька.

– Ой, кого это останавливало, наивная ты душа. Кстати, она могла бы и развестись, чисто теоретически. Детей нет, делить нечего... Короче говоря, Сидорчук начал готовить побег. А чтобы мозги Ирине запудрить, попросил ее вместе с Маликой пойти устроиться в «Чачубухачу». Типа он договорился с директором одного из магазинов сети, что дамы будут там приторговывать золотыми украшениями. Ирине сказал: «Видишь, Малика просто на меня работает. Никакой любви. Все нормально». Та сначала поверила. Юнусова вообще девушка наивная – что ей Сидорчук говорил, все принимала на веру. С Ириной она даже подружилась. На свою голову. А Малахова такой наивностью не страдала. Видит, у нее Сидорчук перестал хранить драгоценности и даже попросил ему потихоньку отдать те, что уже ей передал раньше. Вскоре грянул гром, – Герман куснул пищу и с аппетитом начал жевать.

– Что? Что случилось-то? – Оля с укоризной посмотрела на коллегу.

– Ирина нашла билеты на автобус до Ростова-на-Дону. Два билета. У Сидорчука нашла в ящике стола в магазине. Он отошел, прости, в туалет. Она давай у него шуровать и нашла.

– Его надо было по логике травить, – предположила Оля. – Это ж он сволочь, как она кричала, и жизнь ей испортил. Как-то так.

– Не совсем. Ирина его любила, раз. Деньги не хотела терять, два. Поэтому решила убрать с дороги соперницу. Она вообще не предполагала, что ее поймают. Ведь какой выдался удобный случай. Ирина постоянно с собой носила в пакетике яд, чтобы при малейшей возможности сыпануть его Малике в напиток – хоть в воду, хоть в кофе, хоть в чай. Но на дегустации, когда все смотрели, буквально с минуты две, в сторону окна, Ирина поняла, что это ее шанс, и высыпала в бокал с вином яд.

– Но в ее сумочке ничего не нашли.

– Она умудрилась до приезда полиции незаметно выкинуть пакетик в пресловутое окно. Стояла суета, никто этого не заметил, так как все столпились около Малики. Сумку потом выбросила тоже. Мы же их отпустили. Она вечером и выкинула.

– Да-а-а, – протянула Оля, – кошмар какой!

– Любовь зла! – философски заключил Герман и подмигнул Оленьке.

***

Эх, хорошая у него была в последний раз работа. На заводе марочных вин проводил дегустации. И тело досталось довольно здоровое для такого возраста. Красота, да и только. Но Нелли Павловна начала спиваться. Нет, он не виноват, просто постоянно хотелось опохмелиться, а тут такое дело – вино всегда под рукой. Короче, уволили его в лице Нелли Павловны, а точнее, уехали на пенсию. С расстройства та запила еще больше, уже крепкие напитки начала употреблять. И померла. С непривычки, наверное.

Сущности оставалось только брести по своей пустыне. Жаль. Много не успел понять. Например, чего там все в масках и перчатках. Ковид какой-то. Зато какие вина попробовал в

теле прекрасной Нелли Павловны! Сколько знаний о разных напитках приобрел! Только впустию все в пустыне.

Вдали померещились танцующие в бочках с виноградом черти.

– Тьфу на вас, нечистая сила! – и он повернул в другую сторону.

Англичанка умирает под Рождество

Труп. «Труп, – считал Герман, – всегда плохо», и вовсе не из гуманных побуждений. Труп – это ненормированный рабочий день, отсутствие нормальных выходных, нагоняи от начальства и прочие неудобства. Благо, трупы в маленьком южном городке наблюдались не часто, а даже, скорее, редко. Последний серьезный труп случился полгода назад. И вот на тебе!

Женщина лежала на кухонном полу, лицом вниз. Футболка едва прикрывала спину, ноги торчали во всю свою небольшую длину, представляя взору довольно крупные ляжки, лодыжки и здоровые ступни. Ноги были не бриты, «ну да бог с ним», – философски заключил Герман. Тут не до эстетики. Короткая стрижка позволяла узреть шею, и, судя по всему, женщину задушили.

– Задушена, – подтвердила догадку Германа судмедэксперт Оля.

– Уверена?

– Надо, конечно, мне ее осмотреть, – ответила Оленька, доставая перчатки, – но судя по отметинам на шее, душили.

В этот момент из комнаты вышел участковый с паспортом в руках.

– Влипли мы, братцы, – уныло сказал он, проявляя легкий сексизм в отношении судмедэксперта женского пола. – Трупом является англичанка.

«Сон в руку, – подумал Герман. – Наванговал себе удачи».

***

То был эдакий лубочный Лондон. Или Лондон нельзя называть лубочным? Впрочем, какая разница. Германа в данной ситуации лингвистика не волновала. Он оглядывался по сторонам и медленно брел по улице, которая четко сигнализировала ему о том, что он находится в столице Великобритании. Людей не было, но мимо проезжали красные двухэтажные автобусы, на тротуаре стояли красные телефонные будки, клубился туман, накрапывал мерзкий дождик, вдали виднелся Биг Бен – короче, все признаки Лондона на лицо. Герману вдруг стало интересно, по какой же улице он идет. Со школы он помнил о Лондоне крайне мало, а что касается названий улиц так практически ничего: Оксфорд стрит и Бейкер стрит. Герман начал смотреть на фасады домов. Первой встретилась табличка «Masons», потом «Russian oligarchs» и, наконец, «Baker Street». Еле слышно заиграла музыка из советского фильма о Шерлоке.

Неожиданно распахнулась дверь подъезда, и на улицу выскочил человек, сразу напугавший Германа Холмса.

– Hello, – бодро сказал Холмс. – How are you?

– Fine, – отрапортовал Герман, – and you? – высыпались из него практически все школьные знания английского.

– Оставим это, – ответил Холмс по-русски. – За нами следят, – он показал пальцем на скамейку, стоявшую напротив входной двери. – Нам следует пройти в дом. Там подслушивают, но где-то нам надо поговорить.

На скамейке сидели двое и нагло разглядывали в полевой бинокль Германа с Шерлоком.

– А зачем они за нами следят? – удивился Герман.

Вместо ответа Холмс схватил его за рукав куртки и втащил в подъезд. Квартира знаменитого сыщика находилась на втором этаже. Клубы тумана заполнили лестницу и даже норовили вползти в квартиру. В комнатах царил полумрак. Герман послушно прошел за Холмсом до конца коридора, напоминавшего коридоры коммунальных квартир: узкий, длинный, а по

сторонам двери в многочисленные комнаты. Большинство дверей стояли распахнутыми, но разглядеть хоть что-то из-за полумрака и вползшего кое-куда тумана было крайне сложно.

– Садитесь, – чуть не силой впихнув Германа в кресло, предложил Шерлок. Сам подошел к окну и выглянул на улицу.

– Сидят, – констатировал он спокойно. – Верные слуги режима.

– Так все-таки, зачем они за вами следят? – не отставал Герман.

Ответить Холмс опять не смог. В комнату вошла миссис Хадсон. Выглядела она странно и не походила на советскую актрису Рину Зелёную. Руки женщины украшали татуировки с изображениями драконов, на ногах красовались высокие ботинки, на голове – дреды, выкрашенные в лиловый цвет. На миссис Хадсон была надета белая блузка с широченными рукавами и длинная, пышная, голубая в зеленую клетку юбка. Несмотря на подобный прикид Герман сразу признал хозяйку Шерлокова дома.

– Хэло, – вежливо пробормотал он, но спросить про «как дела» не успел.

– Ах, бросьте! – махнула рукой миссис Хадсон. – Чаю будете?

– Милочка, приличные люди чай пьют в пять. А сейчас всего четыре сорок, – поморщился Шерлок. – Впрочем, несите. Не возражаете выпить чаю пораньше? – обратился он к Герману. Тот помотал головой: на работе, что существовала где-то далеко на Родине, чай пили, когда вздумается.

Холмс подошел к деревянному буфету и вынул виски.

– Итак, начнем, – опять послышалась музыка из советского фильма. – Те двое, что сидят на улице, следят за мной, так как я расследую дело чрезвычайной важности. Оно касается здоровья королевы! – Шерлок поставил на стол два стакана и плеснул в них вискаря. – К ней мы позже пройдемся. Вас следует представить.

Герман нервно глотнул виски: знакомиться с королевой Великобритании никогда не входило в его планы. Ладно английский, он манер не знал. Мало ли, сделает что-то не так, страну опозорит.

– Зачем королеве? – выдавил он из себя.

– Она наняла меня для предотвращения убийства. Ее хотят отравить. Скорее всего, отравить. Так считает служба безопасности королевы. Ниточки ведут в Россию. Поэтому разыскали вас, как одного из лучших русских детективов.

Герману комплимент польстил, но он постарался не терять нить разговора.

– Почему ниточки ведут в Россию? Зачем нам убивать вашу королеву?

– Ха! Вам не надо. Но хотят все свалить на вас. Для этого к вам в ближайшее время отправится, или уже отправился, человек. Он вывезет яд из России. Дело предстанет так, будто ему русские яд передали. А вот и нет!

– А кто?

В комнату вошла миссис Хадсон с подносом в руках.

– Опять пьете, – констатировала она, увидев виски.

– Пьем, – согласился Холмс. – Работа нервная.

Кроме чая на столе материализовались сэндвичи с огурцом и хлеб с маслом. «Не густо», – подумал Герман, но сэндвич взял. Следовало закусывать, чтобы не пропустить ничего важного. Дело пахло большой политикой.

– Это нам и следует выяснить! – Холмс снова наполнил бокалы и тоже хрустнул огурцом. – После смерти королевы монархию отменят. Есть заинтересованные лица, как внутри страны, так и за рубежом. Ваша задача найти курьера, который повезет из России яд.

– Как я его найду? – растеряно спросил Герман, представив себе свою бескрайнюю Родину, на просторах которой бродит «курьер».

– Или ее, – промолвил Холмс, – вполне в духе современной эпохи, отправить к вам женщину!

***

После небольшой, вполне естественной суеты, решено было немедленно звонить начальству. Пусть уж оно докладывает, куда следует, о наличии трупа иностранного происхождения. Участковый пошел звонить в комнату, чтобы не нюхать неприятный запах, уже начавший распространяться по кухне. А Герман, вспомнив сон, решил, несмотря на явную нелепость происходившего в нем, попросить Олю об одолжении.

– Шурани-ка тут быстренько, Оленька. Вдруг чего найдешь. Увезут труп, поминай как звали, – он мгновенно оценил удивленный взгляд судмедэксперта. – Понимаешь, ведь кто-то из местных должен быть замешан. Нам следует узнать об этом первыми, – объяснил он ей свой неожиданный порыв продолжать расследование самостоятельно.

Оля кивнула и окинула взором кухню. В однокомнатной хрущёбе она была невелика. На столе стоял ноутбук, чашка с недопитым чаем (не к месту вспомнился файв-о-клок у Холмса), возле плиты и мойки ничего интересного для следствия не наблюдалось – так, обычная кухонная утварь.

– Скачать бы оттуда все, – показала пальцем в сторону ноута Оленька.

– Давай! Сможешь быстренько?

– Постараюсь! – Оля стянула перчатки, достала флэшку из сумки и стукнула по клавиатуре пальцем. Комп ожил. – Заснуть не успел, – деловито прокомментировала судмедэксперт. – А то вдруг там пароль. Сейчас все скачаю.

В комнате бормотал несчастный участковый, которому пришлось докладывать по сто раз ситуацию начальству, переключавшему его, судя по всему, с одного человека на другого, не желая принимать труп англичанки на себя.

– Быстрый, – похвалила ноут Оля, показывая на экран, где бежали строчки перекачиваемых файлов.

Когда участковый вернулся, дело было сделано.

– Ну что там? – спросил Герман, кивнув на телефон. – Сильно осерчали?

– Еще бы! – ответил парень, утирая пот со лба. – Спрашивают, откуда она вообще тут взялась.

– Логичный вопрос. И откуда?

– Почему я знаю. Надо идти проверять, кто тут живет. Допрашивать хозяина квартиры. Я-то думал, он и помер, когда нам поступил звонок.

– От кого, кстати, звонок? – нахмурился Герман. А ведь и верно: кто сообщил в полицию о трупе? В квартире никого не было, дверь была аккуратно прикрыта — даже незаметно, что не заперта.

– Аноним. Позвонил мужским голосом и сообщил, что по этому адресу труп. Мы не успели спросить, кто звонит, как он повесил трубку. На всякий случай поехал проверить, – участковый задумался на минуту. – Мне теперь кажется, что-то было странное в его голосе. Вот будто он с акцентом говорил.

– Это тебе именно теперь мерещится, Петь, – встряла Оля, – когда ты знаешь, что труп английский.

Все немного помолчали.

– Поехали, проверим, кто тут хозяин, – предложил, наконец заговорив, Герман. – И, да, что все-таки велели делать с трупом?

– Пока в морг. Все запротоколировать по закону, ничего не упустить. Ждать звонка. Они там сейчас в посольство звонят.

– Зови понятых. И машину вызывай. Оформим и поедем про хозяина выяснять, – Герман вздохнул. – Оля, а сколько она тут лежит?

- Хороший вопрос. Думаю, не меньше суток.
- Пахнет не сильно, – прокомментировал участковый. – Даже странно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.